

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

РАЗНОЦВЕТНАЯ ИСТОРИЯ

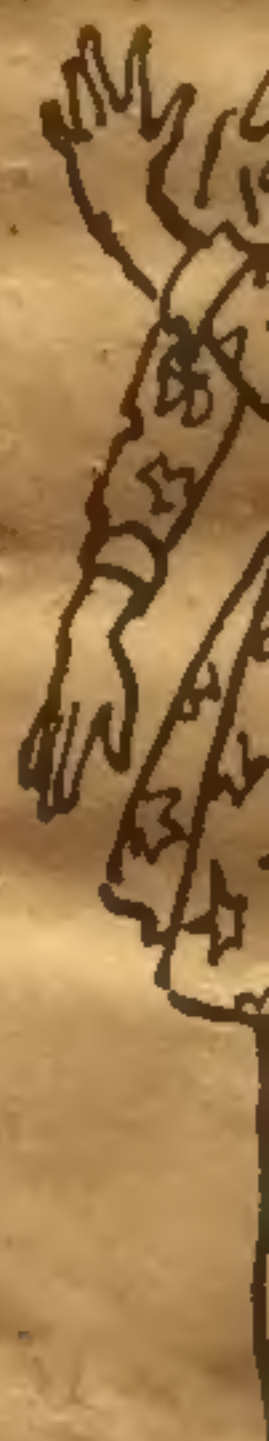

ДЕТГИЗ · 1960

99

9964

Ри

Государственно
Минист

БИ
402

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

РАЗНОЦВЕТНАЯ
ИСТОРИЯ
РАССКАЗЫ

Рисунки Н. Цейтлина

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1960

БИБЛИОТЕКА
402 средней школы

4966

СОДЕРЖАНИЕ

Улица Белого Лося	3
Ослик и пятый океан	18
Дневник «П. М. М.»	32
Самостоятельные люди	53
Из биографии Вовки Курочкина	64
Разноцветная история	71
Сенька	79
Птица перелётная	89
Клинок красного командира	97

УЛИЦА БЕЛОГО ЛОСЯ

Здравствуй. Вот я и добрался. Теперь не страшны дальние расстояния. От Москвы до Петрозаводска летел всего три часа. А от Петрозаводска до места назначения ещё два, уже на вертолёте. Здесь вертолёты в большом ходу — посёлки от города расположены далеко, и женщины по воскресеньям даже на базар летают на вертолётах...

Летел я, летел и залетел в лесные края. Завод стоит на лесной вырубке, а дома — прямо в лесу, тесным кольцом. Улицы — лесные тропинки. Электрические лампочки висят на деревьях.

Людей мало, а снегу много. Поэтому все ходят на лыжах. Мальчишки и девчонки. Учителя и строители. Школьные нянечки тоже на лыжах. И я хожу на лы-

жах. А если без лыж, можно провалиться в снег по самую макушку.

Всё. На первый раз достаточно. Передай привет маме.

Твой папка.

Сегодня я злой. Узнал, что рабочий посёлок решили строить на старом месте, вокруг завода. Раньше тут завод был небольшой, но теперь неподалёку открыли новые залежи железной руды и начали строить завод-гигант. И получится, что заводские корпуса подойдут вплотную к жилым домам.

Я, как узнал, сразу пошёл к начальнику строительства.

Начальник тоже человек новый. Его прислали из Петрозаводска. Он там работал в тресте. Я вошёл к нему и сказал, что строить рабочий посёлок на старом месте нельзя.

— Ну, знаете, это сложнее дело, сложнее. — Начальник был важный и усталый. От усталости он часто закрывал глаза. — Мы, прежде чем решить этот вопрос, комиссию создавали. Я сам был во главе этой комиссии. На новом месте нужно всё заново осваивать, а здесь всё готово. Дешевле.

— Нет. Здесь строить нельзя, — сказал я. — Жить в лесу, а дышать заводским дымом. Смешно.

— Но план жилых домов составили, и точка. Переделывать его мы не собираемся.

Начальник снова закрыл глаза, и я еле удержался, чтобы не толкнуть его ногой под столом.

— Нужно переделать, — сказал я.

— Что вы! — Начальник даже улыбнулся. — Это несерьёзно, план строительства экономный — и вдруг переделывать.

— Экономия? Во вред человеку!

— Не понимаю, чего вы так горячитесь? Вам-то здесь не вечно жить.

— А вам здесь жить? — спросил я.

— Нет.

— Ах, нет, — сказал я. — Ну, тогда я постараюсь, чтобы вы отсюда уехали раньше меня. Можете не посылать свой план на утверждение, всё равно не утвердят.

Я не слышал, что мне ответил этот сонуля. Я повернулся и так хлопнул дверью, чуть с петель не сорвал.

Я был злой и сказал вслух, чтобы все, кто сидел в приёмной, слышали:

— Где его нашли, такого начальника? Ископаемое! Бюрократ!

После тёплого кабинета начальника на улице я чертовски замёрз. Пока я возился с лыжными креплениями, у меня пальцы на руках заledenели и перестали гнуться. Но, несмотря на холод, на пустыре, где будут строить новые заводские цеха, работали проектировщики. Они измеряли поле, чтобы спроектировать его на чертежах.

Проектировщики работали в толстых варежках, и поэтому рулетка часто выпадала у них из рук. Для того чтобы её достать, им каждый раз приходилось снимать варежку и опускать руку в снег.

«Пальцы у них, вероятно, превратились в деревянные, хуже, чем у меня, — подумал я. — А они работают!»

Разозлился я и решил: утром выйду, наплюю на мороз и на начальника и поеду искать новое место для посёлка. А там повоюем!

Твой «морозостойкий» отец.

Здравствуй. Давно тебе не писал. И два первых письма не успел отправить, потому что у меня неудача. Ну, а если говорить прямо, то лежит твой папка пластом на больничной койке, да ещё на редкость в неудобной позе.

Сам-то я лежу, а моя левая нога висит — в пяточной кости провёрнута дырочка, сквозь неё протянута железная спица, на спице груз.

Всё это придумали доктора затем, чтобы сломанная нога, когда будет срастаться, не стала короче правой.

Ну конечно, сейчас мама скажет, что я зря поехал сюда. Но в Москве я рассматривал чужие проекты новых городов и заводов, а здесь я буду строить сам. Теперь я всю жизнь буду ездить по новым местам и строить дома для людей. А когда состарюсь, вернусь в Москву и каждое утро буду открывать географическую карту и искать те места, где я строил.

Буду жить воспоминаниями. Потому что у всех в жизни надежды, мечты, работа, а у стариков только воспоминания. И, если им нечего вспоминать, значит, они плохо прожили свою жизнь. Скучно.

Значит, я поехал не зря. И, если бы заранее знал, что сломаю ногу, всё равно бы поехал.

Зато какое место я нашёл для заводского посёлка! На берегу озера, среди могучих столетних деревьев. Придётся начальнику строительства отказаться от старого места.

Идёт доктор. Она запретила мне писать. В следующий раз я расскажу тебе, что со мной произошло.

Папа.

По утрам к нам в палату входит доктор. Она останавливается у каждого больного и внимательно выслушивает его. Когда подходит моя очередь, я медленно начинаю расстёгивать рубашку на груди. Я не тороплюсь, мне некуда торопиться. Доктор слушает моё сердце и говорит ровным голосом: «Не дышите... Вдохните глубоко... Задержите дыхание».

У доктора чёрные волосы и серые, немного печальные глаза, как у нашей мамки и у тебя. Хорошо, что около меня серые глаза. Они напоминают далёкий

дом. И тишину наших комнат. На секунду мне даже кажется, что у меня не болят ноги. Я хочу, чтобы доктор посидела со мной побольше, рассказала про жизнь за окнами больницы. Но я не решаюсь просить у неё об этом и говорю одни и те же слова:

— Как мои дела?

— Пока по-старому, — отвечает доктор.

Она поворачивается и идёт дальше, и её белый, туго накрахмаленный халат шуршит на ходу.

А сегодня я узнал, нянечка Ефимовна сказала, что нашему доктору всего двадцать три года. Неужели через десять лет ты будешь тоже такая серьёзная?

Ночь. В палате все спят. Дежурит Ефимовна, и она разрешила мне зажечь ночничок у кровати.

Итак, сейчас я расскажу тебе, что случилось со мной...

Я взял лыжи и пошёл искать новое место для посёлка. Шёл долго, час или два, сворачивал вправо и влево, петлял, как заяц. Но никак не мог найти то, что искал. Кругом лес, деревья старые, высоченные, глубоко, видно, ушли в землю корнями. Чтобы такое место под посёлок расчистить, много надо труда и денег затратить.

Мне стало жарко. Я расстегнул куртку и сдвинул шапку со лба. И тут я впервые пожалел, что не взял с собой проводника. «Трудно, — подумал, — будет возвращаться». Но всё равно пошёл дальше. И задвигал ногами: левая вперёд, правая вперёд, левая, правая. А лес всё бежал и бежал, и не видно было ему конца.

Вдруг он совсем неожиданно кончился. Сразу.

Я вышел на большую поляну. Она тянулась с километр, а потом падала куда-то вниз. Это было как раз то, что я искал. Никто не мог разделить со мной радость, но всё равно я закричал: «Ура! Ура!» — и замахал руками.

Белка охладила мой пыл. Она уронила с ели ком

снега, и он попал мне за воротник. Я оттолкнулся палками и медленно покатыл вперёд. На краю поляны увидел лесное озеро подо льдом. Только в одном месте виднелась широкая полынья. Это быстрая порожистая речка несла свои воды в озеро.

«Вот какая удача, — подумал я: — и вода для водопровода, и быстрая речка для электростанции». Я повернулся спиной к озеру и стал изучать свою снежную пустыню. Но она для меня уже не была пустыней. Нет. Дома стояли один к одному, красивые улицы пролегали, и уже люди шли, ребята бегали... И тут я увидел, что действительно кто-то неведомый приближался ко мне.

Это был лось. Тяжёлый, могучий, сохатый. Он шёл, низко опустив голову, весь серебристо-белый от мороза. Из его ноздрей вырывались струйки пара.

«Вот он, мой первый горожанин», — подумал я и решил даже в его честь назвать одну улицу посёлка улицей Белого Лося.

Белый Лось увидел меня, задрал голову с широкими, крепкими рогами, пошевелил ноздрями и нехотя, важно свернул в сторону. Сухой валежник щёлкнул у него под копытом...

Тушу свет: кто-то идёт по коридору.

Здравствуй ещё раз! Пишу тебе письма в толстую тетрадь, но пока не отправляю. Складываю до лучших времён.

Продолжаю свой рассказ...

Попрощался я с Белым Лосем и отправился в обратный путь. Плавно скользили лыжи по сыпучему, мёрзлому снегу...

Больше я ничего пока вспомнить не могу. Очнулся в палате. Белые стены, белые лица у больных, белые халаты на врачах и сёстрах. За окном белый снег. И лежать как-то неудобно. Только на спине. День, два, три. И, говорят, ещё неизвестно, сколько време-

ни. Посмотрел на ноги — одна, вижу, висит. Пошевелил другой — вроде не шевелится.

— Что у меня с ногой?

— Сильно обморожена, — ответила Ефимовна.

Закрыв глаза... Вижу Белого Лося, прямо на меня идёт. Открыл — доктор. Обмороженную ногу смотрит и качает головой. Ушла.

Стал я припоминать. Помню поляну, Белого Лося. А дальше, что было дальше? А тут ещё нога «висячая» болит. В горле пересохло. Протянул руку к лицу — зарос, борода колючая. «Эх, — думаю, — давно лежу, если успел так обрасти. Как бы там без меня не начали посёлок строить на старом месте».

Задремал. И вдруг слышу голос: «Дяденька, что с вами случилось? И валенок один потеряли. Вы же замёрзнете».

Открыл глаза — снова никого. Нянечка Ефимовна около меня сидит и так жалобно смотрит. И даже это мне вспоминать мешает.

Пришла медицинская сестра. Будет делать мне укол. Витамин с новокаином. А потом глюкозу. Это всё для восстановления моего здоровья. А потом — пенициллин, чтобы обмороженная нога перестала болеть.

Я смотрю на сестру. Она берёт ампулы с лекарством и стучает их об руку — проверяет, нет ли трещины. Если в стекле трещина, значит, лекарство испортилось. Потом она надпиливает ампулы и ловко обламывает. Набирает лекарство в шприц, выпускает из шприца воздух. Воздух опасен для жизни человека.

Бросаю писать, буду колоться. Целую тебя и маму.

Ваш гапка.

Меня перевели в отдельную палату. Лежу, как сыч, один. Сегодня попросил, чтобы побрили. Лежал, лежал, и вдруг, представь себе, всё вспомнил...

Вспомнил, как упал со всего ходу в снежную яму и острую боль в ноге. Очнулся, посмотрел: одна лыжа разлетелась пополам, другая целая. Попробовал встать, но тут же упал от боли. В глазах потемнело: снег стал тёмным, деревья чёрными. Тогда, чтобы не потерять сознания, я закричал. На мой крик никто не ответил. Думаю: если не вылезу из ямы, то замёрзну. Снял уцелевшую лыжу с ноги, повернулся на живот и пополз. Трудно было ползти. Снег набивался в рукава куртки и холодил лицо. А потом появился мальчик. У него были узкие глаза и крепко сжатые губы. Рядом с ним стоял лось. Он склонил ко мне морду, шлёпал большими толстыми губами, и струйки пара из его ноздрей грели мне лицо.

— Вам нельзя спать, — сказал мальчик. — А я сейчас.

Он скоро вернулся, в руках у него был валенок.

— Это ваш. Я вам его надену, а то помёрзнете. Я знаю вас, вы со стройки.

Он снял свои лыжи, связал с моей и осторожно перевернул меня на них. Пробирались мы медленно.

Мальчик всё время проваливался глубоко в снег. Он был весь белый от снега: от ног до шапки. Снег примёрз к нему. Около воротника от дыхания у него выросли сосульки, и, когда он делал резкое движение, сосульки отрывались и неслышно падали.

— Ты иди, — сказал я ему, — а я подожду.

Мальчик мне ничего не ответил или я просто не слышал, что он ответил...

Я спросил у Ефимовны, кто меня привёз в больницу. Она мне ответила — рабочий на санях. И стал я подумывать, что про мальчика мне приснилось. Ну как мог, на самом деле, мальчик протащить дядю в восемьдесят килограммов столько километров!

— Чего ты там строчишь? — перебила меня Ефимовна. — Ты лучше о себе подумай. Одна нога переломана, другая обморожена. Докторша из-за тебя совсем извелась, она ведь неопытная.

В крепкую переделку я попал, как видно, и скоро мне не подняться. Болеть плохо и всегда не вовремя.

Не писал четыре дня. Но сегодня у меня радость, и я после этого на свои несчастные ноги не обращаю внимания.

Пришла Ефимовна и сказала:

— Гость к вам. Разрешили на десять минут.

«Ну, — думаю, — кто-нибудь со строительства приехал». Обрадовался.

Дверь тихонько открылась, а никого нет. Медленно так, просто обидно. И вдруг в дверной щели появилась мальчишеская голова, коротко стриженная, с узким разрезом глаз.

Мальчик остановился и не знает, что делать. Я ему руку протянул и крепко сжал. Ладонка у него маленькая, но крепкая и мозолистая.

— Спасибо, что выручил из беды.

Он ничего не ответил, покраснел и подал мне письма, мамины и твои. Мне даже жарко стало, так я обрадовался, когда увидел ваши письма. Но я отложил их.

— Прости, — сказал я. — Как тебя зовут?

— Петя.

— А меня Алексеем Павловичем. — Я ему это говорю, а он встал и к дверям. — Ты куда?

— Сейчас, — ответил Петя.

Высунулся за дверь и вернулся с небольшим ведёрком:

— Это вам от нашего отряда. — И открыл бумагу, которой было прикрыто ведёрко.

В ведёрке лежала брусника. Свежая. Крепкая. Похожая на сорочий глаз. На меня лесом пахнуло.

— Под снегом собирали, — сказал Петя. — Врач велел, она для больных полезна. Я ведь к вам уже не первый раз, но меня не пускали.

— А как же вы её нашли?

— Силач помог. Лось. Он чует, где она. Разгребёт снег копытом, поест немного и уходит дальше. А мы остатки собираем.

— Лось?

— Да. Мы его Силачом зовём. Вы разве не помните? Когда я вас ташил, он рядом шёл. Он ручной, я его подкармливаю. Людей совсем не боится. И умный. Всё понимает. Он меня провожал до больницы. Сахар любит, сладкоежка.

Дверь открылась, и появилась доктор. Она внимательно посмотрела на Петю и сказала:

— Гостю пора уходить. Ты можешь прийти, мальчик, через два дня.

— Доктор, ещё пять минут, — попросил я. — Мне надо написать несколько слов на работу.

— Хорошо, — ответила она. — Я вам пока помассирую ногу. Это вам не помешает?

Длинные мягкие пальцы доктора забегали по моей ноге, сначала нежно-нежно, еле прикасаясь. Потом сильнее, сильнее, и затёкшие места стали оживать, и тысячи мелких иголок вонзились в мою ногу.

— Готово ваше письмо?

— Готово, — ответил я. — Вот, Петя, передай на строительство. Выручи ещё разок.

Доктор и Петя ушли. А у меня в комнате ещё несколько минут пахло брусникой, морозным воздухом и какими-то незнакомыми духами доктора. А потом пришла медицинская сестра делать мне уколы, и сразу снова запахло лекарствами.

Папа.

Сегодня опять приходил Петя. Отличный он парень! Чтобы прийти ко мне, ему надо отмахать десять километров. Петя принёс хорошие новости.

Во-первых, начальника строительства со всеми планами вызвали в Петрозаводск. Все ждали, когда же он вернётся, а он не вернулся. Вместо него приехал новый. Во-вторых, Петин отец, он работает прорабом на строительстве, передал моё письмо о рабочем посёлке новому начальнику. И тот уже назначил группу разведчиков. Они поедут осматривать участок, который я нашёл в лесу. Ясно тебе?

Теперь всё будет нормально. Только начнут без меня. Скоро весна, и нужно начинать строить.

Здравствуйте, мои дорогие и далёкие! Мне стало хуже. Обмороженная нога всё время болит. Ночь и день. Кашляну — отдаётся в ногу, пошевелив руку — отдаётся в ногу. Кто-нибудь хлопнет дверью сильнее — тоже отдаётся в ногу.

Только что у меня была доктор. Она сказала, что завтра меня будут оперировать:

— Операция несложная, я её сама хорошо сделаю. Нечего вызывать хирурга из города.

Я посмотрел в окно. На улице был снежный буран. Третий день я не вижу неба. «Вот почему операция простая и можно не вызывать хирурга, — подумал я. — Разве в такую погоду прилетишь!»

Мне захотелось сказать доктору, что я всё понимаю. Понимаю, что у меня гангрена и мне отнимут ступню на правой ноге. Понимаю, что операция сложная. Понимаю, что она ещё никогда не делала такой операции и нечего ей меня обманывать.

Я взглянул на доктора. Она стояла, крепко сжав кулаки. Костяшки пальцев у неё от этого побелели. «Совсем девочка, — подумал я. — А как далеко она заехала! Уехала из дому, и никто ей сейчас не поможет. Как же она будет делать операцию?»

«Спокойно, — сказал я себе. — Спокойно. Держись, как в бою» А вслух ответил:

— Хорошо, доктор, оперируйте. А то мне надоела боль и я хочу быть здоровым.

Писать больше не о чем.

Меня привезли в операционную и положили на стол. Белый и высокий. По сторонам мне смотреть было неудобно — я лежал на столе без подушки и я смотрел в потолок.

Прямо над столом висела большая электрическая лампа с блестящим абажуром. Потом я увидел доктора. Я не сразу узнал её в марлевой повязке на лице, из-под которой видны были лишь глаза, в резиновых перчатках и в длинном, не по росту, клеёнчатом переднике. Она была здесь самая маленькая и самая худенькая среди всех.

— Маску больному, — сказала она.

Мне поднесли ко рту какую-то трубку и попросили:

— Вдохните, смелее.

Я потянул и почувствовал во рту сладковатый привкус.

«Сейчас начнётся», — подумал я. И больше ничего не услышал, заснул от наркоза.

Проснулся уже после операции. Меня сильно тошнило и кружилась голова. Я открыл глаза и увидел доктора.

— Как вы себя чувствуете?

— Почти здоров.

А теперь я действительно здоров, потому что то, о чём я только что писал тебе, было десять дней назад. Вчера восстановилась лётная погода, и ко мне прилетел хирург из города. Посмотрел мою ногу, сказал, что скоро я смогу танцевать, и похвалил доктора за хорошую операцию. А сегодня ко мне пришла доктор. Смотрю, а она какая-то не такая. Не могу понять, в чём дело.

Она засмеялась и говорит:

— Я себе чёлку выстригла. Вчера, когда хирург похвалил меня за операцию, я от счастья прямо не знала, что делать. Вот взяла и выстригла чёлку. Ничего? Идёт мне? — спросила она. — Ох, если бы увидел папа, он бы мне такой нагоняй дал!

— Хорошая чёлка, — сказал я. — Очень хорошая чёлка.

— Правда? Ефимовна говорит, что я всю строгость своего лица нарушила. А я ей сказала, что мне строгость совсем не нужна.

Вошла Ефимовна и позвала доктора. Снова я остался один, но теперь уже ненадолго.

Добрый день, москвичи! Мне осталось написать в тетрадь всего две странички, и она закончится. Но эти две странички долго ждали своего часа — несколько месяцев. А сейчас я могу их написать, потому что история со строительством нового посёлка подходит к концу.

Я живу в городке строителей, на берегу озера. Мы здесь живём в палатках. Рядом со мной разместились Петя с отцом.

Петю хотели отправить на лето в пионерский лагерь, но он отпросился на строительство. Он мой главный помощник — мои глаза и ноги. Я ещё плохо хожу, а он целыми днями носится по стройке с моими поручениями.

Каждое утро я просыпаюсь раньше всех в городке. Меня будит первый наш горожанин — Белый Лось. Делает он это по простой причине: я кормлю его сахаром. Он просовывает морду в палатку, я просыпаюсь, выхожу из палатки. Тихо. Только в лесу поют птицы. Да ещё над кухней-палаткой вьётся дым.

Белый Лось берёт у меня с ладони сахар, и ладонь становится влажной. Морда у лося мокрая, он уже успел умыться утренней холодной росой.

В мглистом предутреннем воздухе фундаменты будущих домов кажутся мне крепостными стенами, а котлованы — рвами, наполненными водой. Но тут выходит повар и начинает изо всех сил колотить палкой в старый таз. Он зовёт строителей завтракать.

Белый Лось вздрагивает, крутит мордой, чтобы отделаться от назойливого трезвона, убегает в лес. День начался...

Пришёл Петя и сказал:

— Алексей Павлович, вертолёт прилетел.

Вертолёт прилетел за мной. Я лечу в город по делам строительства.

Петя волнуется, поэтому его узкие глаза становятся ещё уже, а губы сжимаются ещё крепче. Я знаю, почему волнуется Петя. Он хочет, чтобы я взял его в город. А просить не хочет. Он никогда ничего не просит. Мужчина.

Обычно я хожу, опираясь на две палки. А когда со мной Петя, я беру одну палку, а второй рукой опираюсь на его плечо. Сейчас я ему скажу, чтобы он мне

Мы
ись
ла-
мой
ещё
е с
ке.
ось.
ха-
сь,
цы.
онь
же
бу-
а
гут
ить
ра-
от-
нь
де-
т-
ю,
го
о-
со
и-
не

подал одну палку. И мы пойдём к вертолёту. Удиви-
тельно крепкое плечо у этого мальчика, на него можно
спокойно опереться.

Мы сели в вертолёт. Машина поднялась ввысь и
со звоном разрезала голубое летнее небо. А внизу,
под нами, пролегала моя трудная дорога сюда.

4966

БИБЛИОТЕКА
402 средней школы

ОСЛИК И ПЯТЫЙ ОКЕАН

Мы ехали автобусом в аэропорт. Я и мама. Мама сидела на первом сиденье, я — на втором. Мы так устроились потому, что мама сказала, что я слишком ёрзаю и обязательно помну ей платье.

Рядом с мамой разместился толстый и большой лётчик. Он занимал много места, и мама оказалась у самой стенки. Я смотрел, как погибает новое, замечательно отглаженное мамино платье, и наконец сказал лётчику:

— Может быть, вы пересядете ко мне, а то вам тесно.

Мама покраснела, а лётчик стал извиняться.

— Простите, — говорит, — действительно, вам неудобно.

— Ничего, ничего, — ответила мама. — Это я должна перед вами извиниться за своего сына.

...«Вот здорово! Я же ещё оказался виноватым! — подумал я. — Удивительно, до чего взрослые любят извиняться!»

Все пассажиры в автобусе посмотрели на нас. Им очень, конечно, хотелось узнать, почему покраснела мама, и они с нетерпением ждали, что будет дальше. Но лётчик просто пересел ко мне.

Наше сиденье покривилось, и я начал скатываться на лётчика.

— Ты, я вижу, легче пуха, — заметил он.

Теперь покраснел я, взглянул на него и подумал: «Ну как я могу перевесить такую гору?» А вслух ответил:

— Я не самый лёгкий, у нас в классе есть полегче меня. Например... — Но кого назвать, я не знал и ловко перевёл разговор: — Погода нелётная, сплошная облачность.

— Облачность есть. Ты верно заметил. — Лётчик сощурил глаза и посмотрел на небо.

— Но это не опасно? — спросила мама.

— Какая же опасность? — ответил лётчик. — Пока облачность низкая, ваш самолёт никуда не полетит.

Я промолчал. Мне очень хотелось, чтобы лётчик подумал, что мы тоже летим. А мама взяла и сказала:

— Что вы, мы не летим! Разве можно с детьми летать? Муж возвращается из командировки. Иркутским самолётом.

Я прилип к оконному стеклу и сделал вид, что не слышу маминых слов про детей.

— Иркутским? — переспросил лётчик. — Можете не волноваться. Там пилот — мой старый друг. Надёжный товарищ.

Автобус остановился у здания аэропорта. Мы попрощались с лётчиком и пошли к справочному бюро.

— Скажите, — спросила мама как можно вежливее, — иркутский прибывает вовремя?

— Опаздывает, — ответили из окошка. — Подойдите через полчаса.

У мамы сразу испортилось настроение. Я стал смотреть по сторонам, чтобы придумать, как её развлечь, и увидел лётчика — нашего автобусного попутчика.

«Сейчас я всё узнаю», — подумал я и пустился догонять лётчика. Но он шёл очень быстро и ни на кого не налетал, а я всё время с кем-нибудь сталкивался.

Лётчик открыл какую-то дверь и скрылся. Я просмыгнул следом за ним и попал в длинный пустой коридор. Где искать теперь лётчика, я не знал, потому что дверей было много и все плотно прикрыты. Только в одной в узенькую щель пробивалась полоска света.

Я медленно подошёл и услышал знакомый голос:

— И давно потеряна связь?

— Больше часа, — ответила женщина.

Я слышал, как лётчик стал ходить по комнате.

В дверную щель мне видна была карта, вдоль и поперёк пересечённая разноцветным пунктиром. И по каждому пунктиру двигалась маленькая фигурка самолёта.

— Позвони-ка ещё разок, — сказал лётчик.

Женщина, которую я не видел, спросила по телефону:

— Иркутский не появлялся?

И тут я догадался: «Иркутский! Это самолёт, на котором летит папа».

Я открыл дверь и просунул голову. За столом сидела женщина. Она была в синем форменном кителе с тремя золотыми нашивками на рукаве. Лётчик стоял спиной ко мне и смотрел в окно на аэродромное поле.

— Мальчик, ты откуда здесь? — строго спросила женщина.

Лётчик оглянулся. Он совсем не удивился, что увидел меня, а только сказал:

— Это мой знакомый. Тоже иркутский встречает. Ты что, всё слышал?

Я кивнул.

— Слышал и, может, даже испугался, хотя пугаться совсем нечего. Подумаешь, связь потеряли! Восстановят. Вон лучше посмотри, какая карта. Это, брат, хитрая карта. Видишь, по ней игрушечные самолёты двигаются, они на наш аэродром летят. Можно сказать, говорящая карта. Посмотрел на неё — и сразу знаешь, где самолёт находится.

Лётчик говорил, но я плохо его слушал, а всё шарил глазами по карте.

— Скажите, а где иркутский самолёт?

— Иркутский? Вот он. — И лётчик показал на маленький самолётник, который неподвижно стоял на зелёной пунктирной линии.

— Ну, я пошёл. Мне к маме надо, — сказал я и вышел в зал ожидания.

Мама сидела в стороне от всех и читала газету.

— Ты где был? — спросила она.

— Да так, гулял, — соврал я.

Прошёл ещё час, а в справочной по-прежнему ничего не знали про иркутский самолёт. Какие-то самолёты прилетали и улетали, а нашего всё не было.

Мы сидели с мамой и не разговаривали. Тогда я незаметно сполз со стула и пошёл в диспетчерскую. Я тихонько приоткрыл её дверь и отыскал зелёную пунктирную линию. Иркутский самолёт стоял на прежнем месте.

Я вернулся к маме. И тут снова появился лётчик, он шёл не торопясь.

— Товарищ, товарищ! — крикнула мама.

Он оглянулся и подошёл.

— Я очень волнуюсь и поэтому решила вас окликнуть. Почему-то до сих пор нет нашего самолёта.

Лётчик посмотрел на меня, и я отвернулся. Я боялся, что он сейчас всё расскажет маме.

— Не волнуйтесь. Плохая погода. Где-нибудь сидит или сбился с курса. На нём, знаете, какой пилот бывалый! — Лётчик сел рядом с мамой. — Отличный

парень! Я его ещё с войны знаю. Тогда он мальчишкой был. Если хотите, могу про него историю рассказать, всё равно ведь нам ждать.

* * *

Было это в 1941 году...

Пилот считал раненых, которые входили в самолёт. Одни опирались на автоматы, как на палку, некоторых несли на носилках. Он считал вслух: «Раз, два, три, четыре...» Все напряжённо прислушивались к размеренному счёту. «Пять, шесть, семь...»

Раненые стояли в очереди к самолёту молча, но каждый из них с трепетом ждал, когда этот счёт прекратится.

В очереди среди раненых был здоровый мужчина. Он держал за руку мальчика лет одиннадцати, бледненького, худенького, одетого в гражданское платье, неизвестно как сохранившееся в этих партизанских лесах.

Пилот считал: «Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать». Потом он замолчал, и в самолёт влезло ещё несколько раненых.

— Всё! — сказал он. — Больше нельзя!

Мальчик вырвался и отошёл в сторону. К нему подошёл его попутчик и начал что-то говорить. Мальчик слушал, опустив голову, потом снова вложил свою руку в его руку и стал в конец очереди.

В очереди, кроме них, осталось всего три человека. Двое совсем молодых парней, один с перебинтованными руками, другой с перевязанным лицом, на котором виднелись только удивительно голубые глаза. И третий постарше, бородатый.

Но пилот всё равно сказал:

— Всё, больше не могу! А то не взлетим.

Трое молчали. Они знали: раз нельзя, то нельзя, хотя если они останутся в лесу, без врача, то умрут от ран. Но они молчали. Их суровые лица, огрубелые от войны и невзгод, были мрачны.

И человек с мальчиком тоже молчал.

Пилот оглянулся. Эти трое поворачивались, чтобы уйти. Тогда он открыл люк самолёта и крикнул:

— Сдать всем оружие и лишние вещи! Быстро!

Обычно, когда самолёты летели из этих далёких партизанских лесов в Москву, то все раненые брали с собой оружие. Дорога была трудная, нередко случалось, что самолёт в пути сбивали фашисты и раненым приходилось сражаться, чтобы не сдаваться в плен.

Скоро у самолёта выросла горка автоматов, запасных обойм, гранат, пистолетов разных марок.

Пилот посмотрел на эту горку оружия, потом перевёл взгляд на раненых. Они стояли теперь рядом, и мальчика из-за них не было видно. И крикнул:

— Ещё!

Из самолёта полетели шинели, вещевые мешки, фляги с водой, чья-то рука выбросила несколько пар сапог. Тогда двое из этих, голубоглазый парень и бородатый, сели на землю и тоже скинули сапоги. Потом бородатый помог присесть третьему, у которого обе руки были перевязаны, и стащил с него сапоги.

— Ну, входите, — сказал пилот.

И трое, ступая босыми ногами по железным ступеням лесенки, скрылись в самолёте.

Пилот уже хотел убрать лесенку, но мужчина с мальчиком сказал:

— Товарищ, паренька ещё захвати. Необходимо... — Он что-то хотел добавить, но посмотрел на мальчика и не стал.

Пилот нехотя отстегнул кобуру с пистолетом, сбросил кожаное пальто и кивнул мальчику:

— Входи.

Самолёт дрогнул. Рёв мотора разорвал ночную напряжённую тишину. Машина медленно побежала, переваливаясь на кочках, но всё же набрала положенную скорость и взлетела.

Была осенняя ночь. Тихая и звёздная. В самолёте сидели и лежали люди. Прислушивались к шуму мо-

тора. Они летели в тёмном небе, как слепые, ничего не видя, а где-то далеко-далеко под ними лежала земля. И вдруг они точно прозрели: самолёт попал в луч вражеского прожектора. Все ждали, что в следующий момент прожектор погаснет, но он горел неярким светом, точно кто-то повесил в самолёте обыкновенную электрическую лампочку.

Пассажиры самолёта, и молодые и старые, поняли, что стоят на краю страшной пропасти. Они могли каждую секунду погибнуть, но никто не шелохнулся, потому что, если бы у них под ногами была земля, то они кричали бы и дрались, ■ тут они были ■ небе. Их привязывал к земле только острый луч прожектора, который готовил им гибель.

А мальчик думал об отце и плакал. Отец его погиб несколько дней назад. Он ничего не боялся, он только плакал.

Пилот попытался уйти от прожектора, но тот ухватил его крепко. Пушки не стреляли. Фашисты ждали: снизится самолёт или нет? Снизится — значит, свой, нет — значит, советский. А пилот тем временем старался набрать высоту, чтобы уйти. И тут раздался первый залп, потом второй. Самолёт сильно трянуло. Но он упрямо летел вперёд, делая крутые виражи, бросаясь вниз так, что едва выходил на прямую. Люди в самолёте падали друг на друга и от боли теряли сознание.

Потом прожектор пропал. Разрывы стали глуше. Пилот ввёл самолёт в облако и ушёл от фашистов.

Прошло ещё минут пятнадцать. В чёткую работу мотора стали врываться непонятные звуки, будто птица на лету хлопала крыльями. Мотор зачихал и умолк.

Может быть, на время, может быть, мотор снова заговорит, закрутится винт и сильно потянет машину вперёд. Но самолёт скользил вниз, точно по хорошо укатанной плоскости. Он скользил легко и плавно, и никакая сила уже не могла удержать его на высоте.

Теперь летел не самолёт, летела земля — она была большая, больше неба.

Самолёт норовил клюнуть носом и сорваться в пике, а пилот удерживал его. Он планировал из последних сил и вглядывался в предутреннюю мглу, пытаясь найти в бесконечном лесном пространстве подходящую полянку. Наконец он увидел то, что искал: круглое отверстие среди леса, и пошёл на посадку.

Самолёт ударился о землю, но пилоту всё же удалось выровнять машину. Она пробежала метров четырёста, подмяла редкий кустарник и у самых деревьев замерла.

Пилот вышел из кабины. Он снял шлем и молча обвёл всех взглядом. Он смотрел в лица — старые, заросшие, усталые, и в молодые, ещё безусые, тоже усталые. Пилот посмотрел на мальчика, подмигнул ему и неожиданно улыбнулся. И все сразу улыбнулись, и мальчик первый раз после гибели отца робко разжал губы.

Пилот напялил шлем на голову, открыл дверь самолёта. Прыгнул на землю. На секунду замер: вдруг за каким-нибудь кустом снайпер взял его на прицел? Но кругом было тихо-тихо.

Пилот скоро вернулся.

— Пробиты баки. Ни капли бензина.

— А фронт далеко? — спросил бородатый партизан.

— Километров пятьдесят.

— Надо найти бензин. Пойдём в деревню, — сказал бородатый. — Коммунисты, прошу поднять руки.

Подняли руки трое партизан и пилот.

— Пойду я, — сказал бородатый, — товарищ пилот и... — Он посмотрел на троих партизан. Они были тяжело ранены. — И...

— Я пойду.

Все оглянулись. Это говорил мальчик.

— Я уже не раз ходил в разведку. Меня не тронут.

— Хорошо. Пойдёшь ты. — Бородатый встал, по-

правил руку на перевязи и сказал: — Я, Михаил Скопин, коммунист.

— Я, Андрей Беспалов, коммунист, — сказал пилот.

И тогда все посмотрели на мальчика, и он сказал тихим голосом:

— Я, Коля Федосов, пионер.

Они ушли. К полудню им удалось отыскать дорогу и выйти к деревне. Они залегли в кустах, на лесной опушке, чтобы посоветоваться, что делать дальше.

— По-моему, нам надо дожидаться ночи, — сказал пилот Беспалов.

— Ночью скорее поймают, — ответил Коля. — Я сейчас пойду.

— Один?

— Да.

Скопин молчал. Он был опытный партизан и понимал, что мальчик прав.

— А что ты будешь говорить, если в деревне немцы? — спросил Беспалов.

— Не первый раз. — Коля встал, глаза его сузились и стали злыми. — Ну, я пошёл.

Он подобрал на ходу прутик и, размахивая им, запылил к деревне. А те двое смотрели ему в спину, в белообрый затылок и тоненькую шею. Мальчик ни разу не оглянулся.

— Да, — сказал наконец Беспалов, — это тебе паренёк!

А бородатый Скопин ничего не сказал.

Они лежали в кустах и ждали. Было жарко. Сначала хотелось пить, потом захотелось есть.

Беспалов смотрел на пыльную дорогу, которая вела в деревню. Он всё ждал, когда же придёт мальчик. Иногда он отрывал взгляд от дороги и оглядывался на Скопина. Тот лежал на спине, лицо его стало бледным, на повязке появились свежие пятнышки крови.

— Больно? — спрашивал Беспалов.

— Нет, — отвечал Скопин.

Прошло несколько часов. У Беспалова першило в горле, губы потрескались. А на дороге по-прежнему никого не было.

— Скопин, может, мне пойти? Я здесь, бугай, лежу, а он, маленький, там!

— Брось ерунду молоть, — отвечал Скопин. — Тебя сразу схватят.

— А почему там такая тишина? Немцы, наверное, ушли.

— Если бы ушли, он бы вернулся.

Наступила тревожная ночь. Скопин задремал, а Беспалов лежал в темноте и ловил каждый шорох. Он решил ждать до утра, а утром идти в деревню. И вдруг послышался осторожный шёпот:

— Товарищи, товарищи...

Беспалов узнал голос мальчика и крикнул громко, неожиданно для себя:

— Коля! Коля! Мы здесь!

— Тише! Не знаю, зачем вы так кричите? — сказал Коля. Он стоял рядом с Беспаловым, и от него сильно пахло бензином. — А ещё военный лётчик.

— Прости, Коля. Я рад, что ты вернулся!

— Идёмте за мной, — прошептал Коля.

Они прошли шагов тридцать вдоль опушки, и Беспалов увидел большой бидон из-под молока.

Беспалов хотел поднять бидон, но он был очень тяжёлый, а руки, как назло, скользили по мокрому железу. Видно, дорогой бензин плескался и залил стенки бидона.

— Вам одному не поднять, он тяжёлый, — сказал Коля. — Надо Скопина позвать.

— А как же ты дотащил его сюда?

— Мне две женщины помогали. Они вернулись в деревню.

— Две женщины дотащили, а я что же, не смогу, по-твоему? Смехота какая-то получается. — Беспалов присел на корточки, со злостью обхватил бидон руками, натужился, поднял и поставил на плечо.

Коля взял его за руку и повёл к тому месту, где они оставили Скопина.

* * *

Мы с мамой слушали лётчика не перебивая. Я теперь думал сразу про папу и про Колю. Только каждый раз, когда радио объявляло о прилёте нового самолёта, лётчик замолкал. Мы слушали радио.

Потом зал аэропорта наполнялся оживлёнными людьми. От них пахло чужими землями — жарким южным солнцем, солёным морем.

Я искал среди этих пассажиров папу. А вдруг диспетчер забыл объявить и это прилетел иркутский самолёт! Разве чудес не бывает! И мама тоже искала. Только лётчик никого не искал. Он раскуривал папиросу, украдкой поглядывая на маму, и продолжал рассказ.

...К утру Скопин, Беспалов и Коля добрались до самолёта. Беспалов тут же выстругал небольшие колышки, забил ими дырки от снарядных осколков в баках, залил бензин, и уже через полчаса самолёт приземлился на московском аэродроме.

Партизан — на «санитарку» и в госпиталь. А Коля остался с Беспаловым.

— Ну, а тебе куда? — спросил его Беспалов.

Коля молчал.

— Ну, чего ты приуныл и не отвечаешь? Куда тебе?

— У меня письмо в главный партизанский штаб. Там меня направят...

— А мама твоя где?

— Мамы нету.

Беспалов задрал голову кверху, и у него почему-то непривычно защекотало в горле.

— Ты посмотри, Коля, небо-то какое отличное.

— Большое, не то что в лесу, — ответил Коля.

— Вот что, в главный штаб ты успеешь сходить, а сейчас марш ко мне домой! — Беспалов говорил громким голосом, чтобы увереннее себя чувствовать. Он боялся, что Коля вдруг откажется с ним идти и пропадёт для него навсегда.

Через пять дней Беспалов получил новое боевое задание и улетел. Коля остался ждать его в Москве. Он не спрашивал, сколько ему жить у Беспалова. А Беспалов уже сходил в главный партизанский штаб и договорился, что Коля останется у него.

— Ты мне, браток, пиши, — на прощание сказал Беспалов. — Ладно?

— Ладно.

Он не знал, что ему сказать, похлопал лётным шлемом по руке и решил успокоить Колю:

— Ничего, брат, скоро закруглим войну, подрастём и будем вместе бороздить пятый океан.

— А что за пятый океан?

— Ну как же! На земле есть четыре океана, а пятый океан — это небо. Самый великий океан. — Беспалов поерошил Колины волосы и неловко поцеловал в ухо.

— Подождите! — Коля порылся в кармане и вытащил фигурку ослика. — Это я сам выпилил из дерева в партизанском лагере и на костре обжёг. Хотел отцу подарить ко дню рождения. Возьмите его в полёт.

* * *

В это время снова заговорило радио, и лётчик замолчал.

— Самолёт Иркутск—Москва прибудет через час.

— Прибудет, прибудет! — закричал я.

— Ну вот видите, как всё хорошо кончилось, — сказал лётчик. — Я знал, Коля не подведёт!

Но я уже бежал, можно сказать, летел. У дверей диспетчерской я на секунду остановился, потом тихонько нажал на дверь. Воздушная карта по-прежнему горела разноцветными линиями. Я нашёл иркутский самолёт. Теперь он не стоял, он двигался к Москве.

Я стал такой счастливый, что даже не знал, что мне делать от счастья.

Я бросился обратно в зал. Там сидела мама.

— Мама, а где же лётчик? — спросил я.

— Он ушёл.

— Как же ушёл!

Вот никогда не бывает человеку до конца хорошо. Ведь мы ещё не узнали, что случилось с Беспаловым.

Мама увидела, что я очень расстроился, а так как у неё самой было хорошее настроение, то она сказала:

— Вот что, на тебе три рубля, иди купи себе газированной воды и мороженого.

Я пошёл в буфет.

Там за одним столиком сидели два лётчика. Один из них был наш знакомый. Я несколько раз прошёл мимо, чтобы он меня заметил, и даже один раз задел

его стул. Но он меня не замечал. Он сидел, откинувшись на спинку стула, внимательно слушал своего товарища и всё время вертел в руке какую-то длинную цепочку. Я присмотрелся... и вдруг увидел, что к этой серебряной цепочке был прикован за ухо маленький чёрный ослик.

«Чёрный ослик, — прошептал я. — Тот самый, которого подарил Коля Беспалову. Так это же и есть Беспалов!»

Я бросился вниз по лестнице с такой скоростью, что все встречные прижались к стенке. Я забыл про газированную воду и про мороженое.

— Мама! — закричал я страшным голосом. — Ты знаешь, кто этот лётчик? Это... — я сделал длинную паузу. — Это Беспалов!

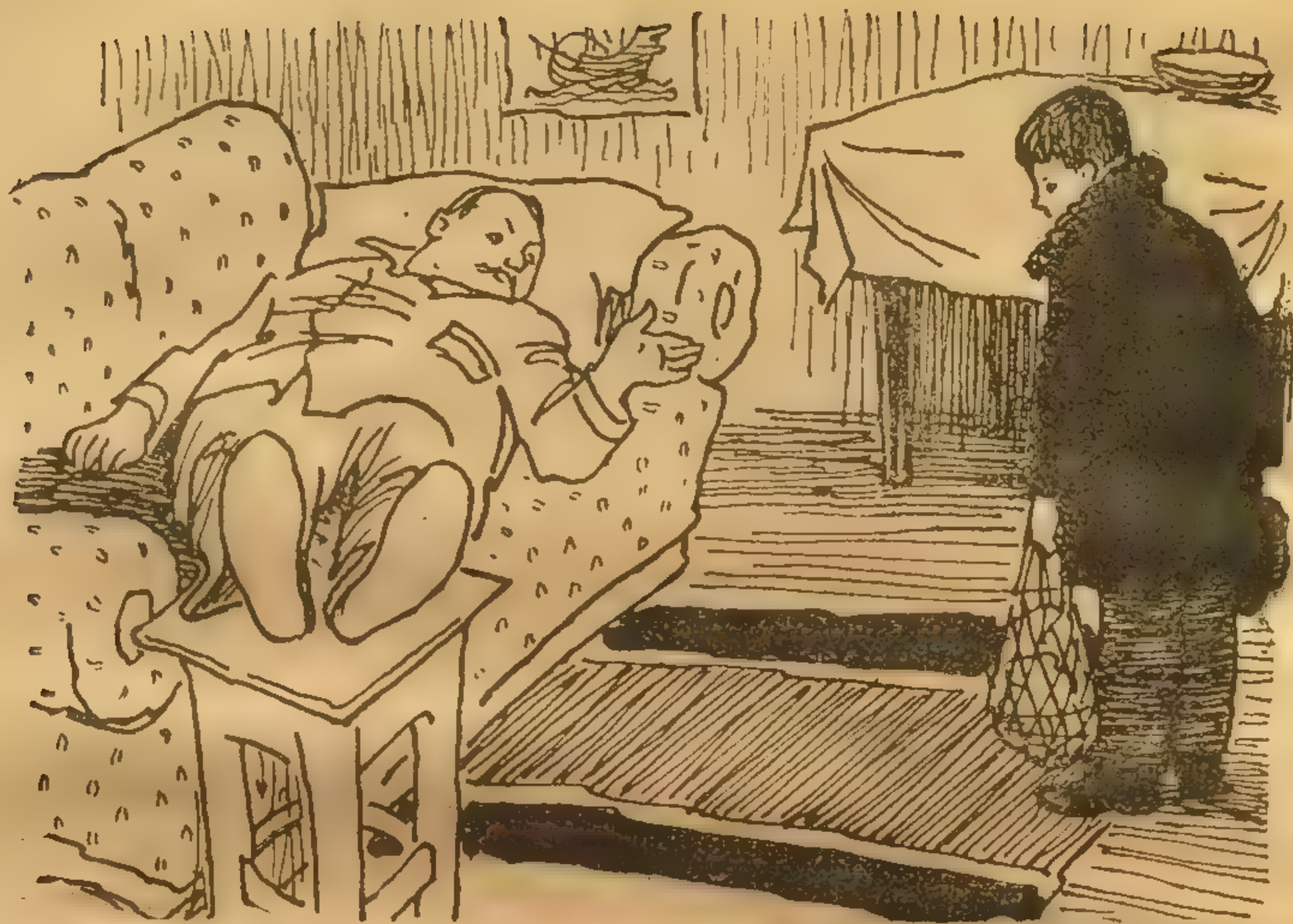
Но тут объявили, что иркутский самолёт идёт на посадку. И мама сразу забыла про Беспалова и даже, может быть, про меня. Она побежала к выходу на лётное поле, а я — следом за ней.

Перед нами лежало зелёное поле аэродрома. А над ним синее-синее небо. «Так вот какой он, пятый океан!» — подумал я и тут же увидел огромный серебристый «ТУ-104».

Это был наш, иркутский самолёт.

ДНЕВНИК «П. М. М.»

Новичок

«5 октября

Составил окончательный план экспедиции на Новую Гвинею. Пойду по следам Миклухо-Маклая. Каждый день стараюсь узнать что-нибудь новое об этом острове. Сегодня, например, прочитал, что там, в зарослях манговых деревьев, на болотах, водятся моллюски побольше килограмма! Они забираются в ил и живут семьями.

Удивительное дело! Говорят, папуасы безграмотные и даже не имеют своей азбуки. Это в наше-то время! Решил изучить их язык и составить алфавит. Раз никто до сих пор не занялся папуасской азбукой, то теперь это должен сделать советский человек.

Все записи буду подписывать тремя буквами: «П. М. М.», что значит «Потомок Миклухо-Маклая». По-моему, здорово придумано!.. «П. М. М.».

Ми
болеет
затель
всех б

17 окт

У н

А прие
он жив
житься

21 окт

На г

вич рас
Эверест
побывал
нин Хил

Шер

ждённые
мый лов
индийски

Нужн

цингу. Ми
снегов».

28 октяб

Шли и

и я. По-мо
вится. Да
ный и сил

Димка

3 ноября

Мы с Го
лись пионер

2 Разноцветная н

Михаил Платонович что-то последнее время часто болеет. Если бы не моя страсть к путешествиям, обязательно стал бы врачом, чтобы открыть лекарство от всех болезней.

П. М. М.

17 октября

У нас в классе новичок. Его зовут Гога Иглицкий. А приехал он из южного города Туапсе. И, главное, он живёт в нашем доме. Хорошо бы с ним подружиться!

П. М. М.

21 октября

На последнем уроке географии Михаил Платонович рассказывал про самую высокую гору в мире — Эверест. Она находится в Индии. Только двое людей побывали на её вершине — шерп Тенцинг и англичанин Хиллари.

Шерпы — маленькая народность в Индии, прирождённые альпинисты, а Тенцинг даже среди них самый ловкий и выносливый. Он носит почётное звание индийских альпинистов — «тигр снегов».

Нужно будет обязательно написать письмо Тенцингу. Мне очень нравится, что он шерп и что он «тигр снегов».

П. М. М.

28 октября

Шли из школы втроём: Михаил Платонович, Гога и я. По-моему, Михаилу Платоновичу Гога тоже нравится. Да и как может быть иначе, когда он такой умный и сильный. Будем дружить втроём.

П. М. М.

* * *

Димка прочёл свои старые записи и написал:

3 ноября

Мы с Гогой неразлучные друзья. Сегодня обменялись пионерскими галстуками. Хочу дать ему почитать

свой дневник. Вдруг он тоже собирается в путешествие. Вот бы поехать куда-нибудь вместе!»

Тут Димка вспомнил, что должен сходить в магазин для Михаила Платоновича, и осторожно вышел, чтобы мама не услышала, а то заставит надеть калоши.

В магазине Димка купил масло и сыр. Придирчиво расспросив, какой хлеб самый свежий, взял несколько ситников. На обратном пути два раза призывно свистнул у Гогиного окна и закричал:

— Пошли к Михаилу Платоновичу!

Через несколько минут они уже влетели к старому учителю. Тот лежал на диване, положив ноги на высокий табурет, чтобы отдыхали.

— Я не один, — смущённо сказал Димка.

— Ты так говоришь, точно привёл ко мне уссурийского медведя.

— Да нет, — рассмеялся Димка, — привёл товарища.

А в комнату уже протиснулся Гога.

— Это ты, Иглицкий? — узнал Михаил Платонович новичка, тяжело засопел и поднялся. — Заходи!

В комнате сразу стало тесно, потому что Михаил Платонович был высокий, широкоплечий и толстый. Он взял сумку с продуктами у Димки и сказал:

— Ну, я пойду на кухню, займусь хозяйством, а вы здесь действуйте согласно настроению.

— Нравится? — спросил Димка. — Стол, понимаешь, без скатертей, которые вечно пачкаются. На кровать можно садиться, как в корабельном кубрике.

Гога только успевал оглядываться по сторонам. Комната учителя была необычная. Простая железная кровать покрыта шерстяным одеялом. На стенах висели географические карты и рисунки фрегатов, каравелл и парусных яхт.

Михаил Платонович поставил на стол пузатый алюминиевый чайник, хлеб, нарезанный крупными кусками, открытую банку со сгущёнными сливками.

— Эй, на вахте! — вдруг оглушительно крикнул Михаил Платонович мальчикам, которые прилепились к картинкам на стене. — Не хотите ли отведать горячего рома?

— С удовольствием, капитан! — ответил Димка. И ребята уселись пить чай.

Гога и Димка

Прошло несколько недель. Гога чувствовал себя в классе так, словно проучился здесь много лет. На переменах он громко разговаривал и даже любил прихвастнуть. Один раз сказал, что видел в Чёрном море кита. Когда он такое заявил, Димка отошёл в сторону, чтобы никто не догадался по его лицу, что Гога врёт. А в другой раз выхватил у Михаила Платоновича портфель, а потом хвастался перед ребятами, что учитель его самый первый друг.

Тут уж Димка, который действительно давно дружил с Михаилом Платоновичем, не вытерпел и возмутился:

— Чего ты выхваляешься: «я да я», «мы с Михаилом Платоновичем»? Похвальбушка, вот ты кто!

— А тебе что, завидно? — ехидно сказал Гога. — Мне дал понести, а тебе нет?

«И правда, — подумал Димка. — Видно, я от зависти злюсь. Михаил Платонович ни разу не предложил мне понести портфель, а Гоге дал».

В этот день Димка пришёл домой и написал в дневнике:

„26 ноября

Обозвал Гогу «похвальбушкой». Как потом выяснилось, сделал это от зависти. Никогда раньше не думал, что я такой. Я спросил у Михаила Платоновича, что делать, если человек завидует (конечно, я не называл себя). Он ответил: «С этим надо бороться».

Буду бороться. Только ещё не знаю как, потому что ведь холодное обтирание и утренняя гимнастика здесь не помогут.

Я узнал, что на Новой Гвинее можно охотиться на кабанов ночью с фонарём. Кабаны там любопытные, сами выходят на свет фонаря.

П. М. М."

Михаил Платонович заболел...

Михаил Платонович чувствовал себя с утра неважно. Покалывало сердце и отдавало в левую руку. Всё же он пришёл на урок, уселся за учительским столом и вызвал Иглицкого.

Михаил Платонович недавно спрашивал Гогу, и тот к уроку не готовился. Он путался, сбивался, а когда заметил, что учитель слушает с закрытыми глазами, начал напропалую врать.

Димка сидел красный и делал Гоге предостерегающие жесты, но тот увлёкся и стал дурачиться. В классе уже все посмеивались.

Но вот Михаил Платонович открыл глаза и посмотрел на Гогу.

— Садись, — сказал он. — Урока ты не выучил.

Михаил Платонович глубоко вздохнул, подошёл к окну и долго стоял спиной к классу. Он прислушивался к ноющей боли в сердце и смотрел, как школьный дворник поджигал большие кучи опавших листьев. Листья были сырые, горели плохо, и только маленький, едва заметный дымок тянулся кверху.

Все думали, учитель заругает Гогу, но он даже не поставил ему отметки, дождался звонка и молча ушёл.

Димка встретился с Гогой в раздевалке. Тот стоял в своём новеньком тёмно-сером пальто с пушистым воротником.

— Ты что, Михаила Платоновича не будешь дожидаться?

— Нужно очень! Я про него всё узнал, он теперь уже не учитель географии, а пенсионер, бывший учитель... И мне начхать на него. Счастливо оставаться! — И Гога убежал.

Димка хотел броситься за ним. Ему обязательно надо было объясниться с Гогой, но оглянулся и увидел Михаила Платоновича.

— Дядя Миша, вы... — он говорил заикаясь, — вы ничего не слышали? Правда ведь, ничего?

Больше всего на свете Димке хотелось получить отрицательный ответ, но учитель кивнул головой:

— Слышал.

— Это он пошутил, понимаете, он горячий, дядя Миша. Я живо его догоню. Он извинится перед вами! И за урок и вот за эти слова. А, хотите?..

— Не надо, Димка. И потом, я в самом деле ухожу на пенсию.

Никогда ещё их возвращение с Михаилом Платоновичем домой не было таким печальным. Шли они медленно. Михаил Платонович быстро уставал и задыхался. Димка проводил его до квартиры и пошёл домой. Не побежал, как всегда, а пошёл, потому что не разбежишься, когда такие нелёгкие мысли в голове.

На следующий день у Михаила Платоновича случился инфаркт — тяжёлая болезнь сердечных сосудов. Димка впервые слышал это слово. Он принёс в класс весть о болезни учителя. Его стали расспрашивать, как да что, и только один Гога не подошёл. Потом затрезвонил звонок, и ребята побежали на урок, чтобы встретиться с новым учителем географии.

Это оказалась молоденькая женщина с коротко стриженными волосами. Она была красивая, и Димку это неприятно поразило. Но скоро он догадался, почему она была такая красивая: у неё были синие-синие глаза, чёрные волосы, а кофточка под цвет глаз, тоже синяя. «От кофточки», — подумал Димка и успокоился.

Учительница не сидела на месте, как Михаил Платонович, а неслышно расхаживала между рядами, заложив руки за спину.

На перемене Гога шептал в коридоре:

— Вот это учительница! Не то что наш старикан: «вы перепутали вулкан Этну с Везувием», «достопочтенный рыцарь», точно мы англичане из средневековья.

Ребята тоже хвалили её, и Димке вдруг стало одиноко-одинокко. Ему было жалко Михаила Платоновича.

«Ну и пускай все забыли дядю Мишу, мы и без них проживём».

Из школы в этот день Димка шёл следом за Гогой. Он смотрел ему в спину и думал: «Пальто с хлястиком носит, задавала!» Ему почему-то захотелось догнать Гогу, наскочить и оторвать этот хлястик. Точно

от этого стало бы легче. И он догнал Гогу и грубо толкнул его плечом:

— Зайдём во двор. Дело есть!

Димка свернул во двор, не оглядываясь, чувствуя, что Гога идёт за ним без охоты.

— Ну, чего? — насторожённо спросил Гога.

Димка расстегнул пальто и снял галстук.

— Давай мой галстук назад. Разошлись наши дорожки. Я бы тебя, такого, из пионеров выгнал!

— За что, интересно?

— За твою подлую натуру.

Гога тоже снял галстук.

— Ну, ещё чего скажешь?

— А вот чего! — И Димка неожиданно ударил его по щеке.

Гога схватился за щеку и закричал тонким, девчачьим голосом:

— Ты что дерёшься? Я всем расскажу! Заманил и нападаешь на безоружных!

— Ах, заманил? — сказал Димка. — Тогда снимай пальто, будем драться.

Он вдруг почувствовал приступ ярости. Дрожащими от волнения руками Димка стал снимать пальто, но Гога повернулся и стремительно пустился наутёк. Он бежал, поминутно оглядываясь, а когда увидел, что Димка за ним не гонится, остановился и помахал кулаком:

— Ничего, мы ещё с тобой посчитаемся.

История с дневником

„2 декабря

Сегодня у нас на уроке географии был балет. Новая географичка всё время расхаживала, пританцовывая, между партами. А наши растаяли и улыбались ей. Забыли Михаила Платоновича».

Димка подумал, что бы ещё написать, и вдруг на-

рисовал во весь тетрадный лист пляшущего человечка и подписал:

«Ах, я вам расскажу, как надо танцевать по континентам и островам!»

«К Михаилу Платоновичу не пускают. Продолжаю изучать Новую Гвинею. Слова Миклухо-Маклая: «Даже падая в пропасть, не теряй присутствия духа», — я взял себе на вооружение.

Через несколько дней мама снова уходит в экспедицию. Но на этот раз недалеко. На поезде ехать всего одну ночь, а потом ещё на санях, к таёжной деревне. Там у них основная база. Моя мама геодезист.

Геологи ищут нефть, алмазы, золото, а потом приходят геодезисты и наносят эту местность на карту.

Обычно, когда мама раньше уходила в тайгу, то оставляла меня на Михаила Платоновича, а теперь я останусь один. Она сказала: «Дмитрий, я надеюсь на твою сознательность», — и почему-то тяжело вздохнула.

П. М. М.

* * *

Димка посмотрел на часы, увидел, что опаздывает в школу, и, торопясь, вместе с тетрадями сунул в портфель дневник.

В этот день дежурным был Гога. На перемене он остался в классе один и вдруг увидел под Димкиной партой толстую тетрадь в коричневом переплёте с белой наклейкой и надписью: «Дневник «П. М. М.»»

«Димкины записки», — решил Гога. Он помедлил, не зная, что делать. Но любопытство взяло верх. Воровато оглядевшись, наугад раскрыл тетрадь. И сразу увидал пляшущего человечка с подписью: «Ах, я вам расскажу, как надо танцевать по континентам и островам», а ещё пониже, в скобках: «Портрет новой географички».

Гога оглянулся на дверь. Никого. Тогда он подошёл к учительскому столу, положил на него Димкин дневник и вышел.

Наталья Валентиновна вошла в класс. На столе лежала развёрнутая тетрадь. Она взяла её, прочла и залилась краской. Димка посмотрел на тетрадь в руках учительницы, и ему показалось, что это его дневник. На всякий случай он запустил руку в портфель — дневника там не было. Кто-то, значит, подложил его учительнице.

Наталья Валентиновна полистала дневник, потом отложила, хотела пройтись, по привычке, между партами, но вспомнила фразу из дневника: «Географичка расхаживала между партами», остановилась.

— Ребята, кто забыл на столе свой дневник?

Все промолчали, толком ещё не понимая, какой дневник. А у Димки от неожиданности всё перепуталось в голове.

— Что ж, — сказала учительница, — тогда я возьму его домой, прочту и, может быть, на досуге догадаюсь, кто этот таинственный «П. М. М.» — Она внимательно обвела ребят глазами, но так и не догадалась, чей это дневник.

— Иванов, иди отвечать.

Она вызвала Димку просто так, а тот решил, что она всё знает.

Он встал, помялся и бросил со злостью:

— А я урок отвечать не буду, я его не выучил!

Наталья Валентиновна удивлённо посмотрела на Димку. Она отлично помнила по отметкам в журнале, что этот мальчик — один из лучших учеников.

— Что с тобой, Иванов? Может быть, ты заболел?

— Ничего я не заболел, а отвечать не буду, я не запомнил...

— Вот как, — сказала Наталья Валентиновна, взяла ручку, отыскала Димкину фамилию в списке и помедлила, чтобы успокоиться от всех сегодняшних неожиданностей. — Я тебе ставлю двойку, а после уроков мы ещё поговорим.

Но поговорить после уроков не удалось. Когда за

учительницей захлопнулась дверь, в классе поднялся шум.

— Видали, герой! — кричал Гога. — Отвечать не хочет! А класс должен страдать, да?

Ребята поддержали Гогу. Даже Юра Новиков, смешной долговязый мальчик, самый тихий во всём классе, вдруг заметил:

— Конечно, нехорошо. Зачем ты обидел Наталью Валентиновну? — Он густо покраснел и, чтобы как-то сгладить свои слова, перевёл разговор: — А дневник, интересно, чей?

— Не мой, — усмехнулся Гога и так выразительно посмотрел на Димку, что всем стало ясно, кто его владелец.

«Так это, значит, Гога всё устроил», — догадался Димка. У него тоскливо заныло сердце. Молча отвернувшись, он быстро пошёл по коридору. Он боялся, что если кто-нибудь догонит, то он не выдержит и заплачет. Но его никто не догнал.

Один

После всех историй Димка в школу больше не ходил. Он просидел два дня дома, а на третий его заела такая смертельная тоска, что он вдруг решил поехать к маме. «Она, конечно, заругается, но потом всё равно простит». Правда, лучше бы податься к морю и поступить в юнги, но маму жалко. Он ведь у неё на всём свете один, и она у него одна на всём свете. Раньше Димка не понимал, как это: «одна на всём свете», а сейчас понял. И так ему захотелось побыть с мамой, что он тут же стал собираться в дорогу.

Прежде всего Димка пошёл к Михаилу Платоновичу, чтобы узнать, когда его можно будет повидать. Оказалось, только через две-три недели. Тогда он вернулся домой, достал рюкзак, обстоятельно, как это делала мама перед отъездом, составил список всех

вещей, которые он собирался взять с собой, и стал укладываться.

На станцию Димка пришёл за два часа до отхода поезда и долго толкался среди мешков и пассажиров, которые спали, укутанные в платки и полушубки, и сами были похожи на мешки с поклажей, пока не пристал к шумной группе молодых парней и девчат.

Оказалось, что они ехали тем же поездом, что и Димка, только дальше. Эти парни и девчата ехали строить новый химический комбинат. С ними Димке стало немного повеселей и как-то храбрости прибавилось.

В вагоне один из парней, которого звали Костя, самый шумный и весёлый, спросил Димку:

— А ты куда едешь?

— К маме, — ответил Димка.

— Сосунок ты, смотрю. Кто же в такое время к маме едет? Давай с нами. Построим комбинат. На доске почёта будешь висеть, большие деньги заработаешь. Тебя как звать?

— Димка Иванов.

— ...Дмитрий Иванов. Можно сказать, исторической личностью станешь. Это я тебе обещаю. Ну, поедем?

Димка покраснел:

— А оттуда можно маме написать, чтобы не беспокоилась?

Все ребята засмеялись. Димка понял, что над ним шутят, залез на вторую полку и скоро заснул.

Когда Димка открыл глаза, уже светало, но все ещё спали. Только Костя на соседней полке смотрел в потолок и курил.

— А, Димка, проснулся? Ты за вчерашнее на меня не сердишься?

Димка мотнул головой.

— Ну и правильно. И потом, подумаешь, комбинат! Мы лучше с тобой будем новый город рядом с

комбинатом строить. Правда, пока об этом ещё никто не знает, только ты да я. Но я ребят уговорю. А уж вместе мы чего хочешь добьёмся. А город будет необыкновенный! Одна улица — голубого цвета, другая — зелёная. Представляешь, все-все дома зелёного цвета. А потом... потом Античная улица, со скульптурами героев древнегреческих мифов: Геркулес там или Прометей, прикованный цепями к скале за то, что он добыл людям огонь. Здорово?

В это время проводник крикнул на весь вагон:

— Станция Сугробы!

Димка соскочил с полки.

— Приехал? — спросил Костя. — Жаль, не дали поговорить. Значит, встретимся в новом городе, на Античной улице, у памятника поэту Гомеру. Запомнил? Ну, дай твою лапу!

Димка пожал Косте руку и, мягко ступая в валенках, побежал к выходу.

Встреча

Димка долго и трудно добирался до маминой базы. Только к вечеру старик, деревенский почтальон, высадил его из саней у избы, где остановилась мама. Да и то её не оказалось дома, потому что, как сообщила хозяйка, она вечерами сидит у начальника экспедиции. И Димка, замёрзший, на негнущихся, затёкших от долгого сидения ногах, пошёл искать маму.

Он шагнул в сени, долго шарил в темноте, больно шибанулся ногой о ступеньку и наконец нашёл дверную ручку.

Он открыл дверь, и клубы пара так заслонили его, что мама даже не узнала Димку. И тот её не сразу рассмотрел, только услышал её смех и ещё низкий мужской голос. Когда пар улетучился, мама увидела Димку.

— Димка? — спросила она удивлённо и как-то очень испуганно. — Димка, что случилось?

Но Димка ничего не ответил, он только бросился навстречу маме и, обдавая морозом, тёрся лицом о её толстую, мохнатую кофточку.

— Димка! Ну что случилось? — снова спросила мама.

Димка хотел тут же начать рассказ про Михаила Платоновича, и про Гогу, и про дневник, но вспомнил, что они в комнате не одни.

— Просто я соскучился, — сказал он.

— Нет, ты правду говоришь? Хорошенькое дело! Бросить школу, потому что он соскучился! Ты хоть не обморозился?

— Что я, маленький, что ли? — Димка обиделся, что мама так отчитывает его перед чужим, понуро замолчал и стал смотреть с тоской в сторону.

Это даже заметил тот, который стоял и всё это время молчал.

Он неслышно подошёл к Димке и протянул руку.

— Давай знакомиться. Север Иванович Гаргонов, начальник приисковой группы.

Димка протянул руку, и его озябшие пальцы легли в большую тёплую ладонь Севера Ивановича. А тот не выпускал руку мальчика, грел её, и скоро по Димкиным пальцам побежали мурашки, и он впервые за эти дни засмеялся.

— Ты чего? — спросил Север Иванович.

— Да так, смешно, — ответил Димка, — станция «Сугробы», начальник «Север».

— А ты, я вижу, смешняк-человек. Раздевайся.

— Нет, — вмешалась в разговор мама, — мы пойдём домой.

Мама надела короткий полушубок и стала у дверей. Лицо у неё было строгое и от этого чуть жестковатое.

Димка тяжело вздохнул, а Север Иванович печально сказал:

— Ну что ж, идите, только зря. Мы бы сейчас вместе поужинали.

Мама шла впереди, а Димка сзади, стараясь ставить ноги в мамины следы. Мама ни разу не оглянулась, и Димка вспомнил, как несколько минут назад мама весело смеялась. Димка почему-то вдруг подумал, что он помешал маминому веселью.

Разговор

Но, когда они пришли в мамину комнату, у Димки это настроение прошло. Мама стала такой, какой была всегда. Она раздела Димку, накормила его. Всё она делала быстро, споро. Димка сидел на кровати, укутанный в одеяло, и следил за ней. А потом мама прилегла с ним рядом, и Димка всё ей рассказал. Мама не стала его ругать, а сказала, что у него нет никакой выдержки.

В комнате было уже давно темно, но, сколько Димка ни прислушивался, маминого дыхания не было слышно. «Значит, не спит», — подумал он и тихонько спросил:

— Мама, а тебе здесь хорошо?

Мама долго ему не отвечала. Димке даже надоело ждать. Он решил, что, видно, мама всё-таки спит, но тут раздался её голос:

— Как ты, Димка, странно спрашиваешь. Хорошо! Ведь здесь моя работа.

— Но тебе здесь хорошо? — Он закрыл глаза, чтобы не видеть темноты, и ещё тише добавил: — Или тебе со мной лучше?

Мама опять помолчала, и уже сквозь сон Димка услышал:

— Конечно, мне здесь плохо без тебя.

Утром, пока мама готовила завтрак, Димка вышел во двор, чтобы осмотреться. Когда он вернулся, за столом сидел Север Иванович. Он курил трубку и вни-

мательно слушал маму. Димка не видел его лица, а только широкую спину, обтянутую свитером, чёрный с проседью затылок и загорелую шею.

Мама обернулась к Димке и сказала ему:

— Вот позвала Севера Ивановича. — Она немного смешалась и добавила: — Посоветуемся с ним, как нам с тобой быть. Не возражаешь?

— Ну, начнём военный совет. — Север Иванович посмотрел на Димку. — Хотя, в общем, разговаривать долго не о чем, обстановка ясна. Школу ты, брат, бросил зря!..

Димка вдруг обозлился:

— А вам какое дело, чтобы советовать!..

Север Иванович помолчал, потом встал, его весёлые глаза потухли, а толстоватые, добродушные губы сжались в твёрдую прямую линию.

— Значит, не желаешь принять совет? А я хотел тебе по-дружески.

Мама взволнованно перевела глаза с Димки на Севера Ивановича и сказала с мягким укором:

— Ну как тебе не совестно, Димка! Ведёшь себя, как пятилетний.

И тогда вдруг Димка сказал то, что нужно было, то, что они хотели, наверно, от него услышать:

— Я поеду домой и пойду в школу.

— Вот это мужской разговор! — Север Иванович снова сел на табуретку. — А если наберёшься духа, то ещё и перед учительницей извинишься.

В обратный путь

На следующий день Димку собирали в обратный путь. Север Иванович подарил ему новенькие унты и полевой двенадцатикратный бинокль, чтобы мальчику было не так грустно уезжать. И Димка теперь щеголял в унтах и с биноклем, как полярный исследователь.

На станцию поехали в аэросанях. Дорога, которая показалась Димке такой длинной, когда он добирался к маме, теперь промелькнула незаметно.

Весь путь Димка и мама молчали, а Север Иванович старался их развеселить. Но веселья всё равно никакого не получалось.

Поезд стоял недолго. Мама обняла Димку, и он почувствовал, что она готова вот-вот заплакать.

— Если ты завтра не вернёшься в школу, — сказал Север Иванович, — я перестану тебя уважать.

Димка кивнул, и поезд тронулся.

Димка бросился в вагон, подбежал к окну, нашёл в замороженном стекле маленькую дырочку, сильно подул на неё и увидел маму и Севера Ивановича.

Они смотрели вслед поезду, хотя Димку, конечно, не видели. Они были такие маленькие в этом большом снежном просторе, с высокими сугробами, которые стояли, точно стадо заснувших белых медведей.

На следующее утро к Димке прибежал Юра Новиков.

— Ты откуда узнал, что я приехал? — мрачновато спросил Димка.

— Шёл в школу, вижу — у тебя свет, значит, приехал.

— А с каких это пор ты в школу стал ходить мимо нашего дома?

Юра покраснел.

— А знаешь, что я, Димка, тебе скажу? Ты гордый одиночка, как лермонтовский Демон. Ничего никому не сказал и сам в дураках остался.

— Это почему же? Уж не потому ли, что я не забыл Михаила Платоновича, а вы забыли?

— А мы тоже не забыли, это во-первых. А во-вторых, Михаил Платонович сам сюда выписал Наталью Валентиновну, потому что она его ученица. Она нам сама рассказала.

Они по
— В ш
— По
Юре ст
но он всё
ноги в вал
— Эх,

езде.
— Нич
Он оде
школу.

Наталь
дела Дим
голову, и
Хлопну

нуту они м
Наталь

немного п
взрослые.

между пар

После
возле Дим

— Ива
тельскую.

Димка

му-то вспо

шёл за ней

Ивановича

те есть Се

В учите

лентиновна

чувствовал

чиком.

— Так,
сам. — Сег

3 Разноцветная

Они помолчали.

— В школу пойдёшь? — спросил Юра.

— Пойду, только могу и без провожатых.

Юре стало неловко, что Димка так его выживает, но он всё же остался стоять. Он посмотрел на свои ноги в валенках и сказал:

— Эх, как я наследил! Я тебя подожду в подъезде.

— Ничего, — примирительно ответил Димка.

Он оделся. Они вместе вышли из дому и пошли в школу.

Снова в школе

Наталья Валентиновна вошла в класс и сразу увидела Димку. Он сидел на своём месте, низко склонив голову, и рассматривал что-то на карте.

Хлопнула дверь, и Димка поднял голову. Одну минуту они молча смотрели друг на друга.

Наталья Валентиновна заметила, что Димка немного похудел и глаза у него стали чуть-чуть взрослые. Она заложила руки за спину и прошлась между партами...

После звонка, когда ребята гурьбой собрались возле Димки, Наталья Валентиновна сказала:

— Иванов, пойдём, пожалуйста, со мной в учительскую.

Димка пошёл за Натальей Валентиновной и почему-то вспомнил маму, как он позавчера точно так же шёл за ней по заснежённой улице, и вспомнил Севера Ивановича. И подумал, хорошо или плохо, что на свете есть Север Иванович?

В учительской никого не было. Наталья Валентиновна обрадовалась этому, потому что она чувствовала какую-то неуверенность перед мальчиком.

— Так, — сказала она и провела рукой по волосам. — Сегодня ты можешь зайти к Михаилу Плато-

новичу. Он тебя ждёт. И потом... — Наталья Валентиновна покопалась в своём портфеле. — Вот возьми. — Она протянула ему его дневник.

Димка не знал, что ему делать, и понуро сказал:

— Хорошо. Я зайду.

Он взял дневник и пошёл. Ему хотелось что-нибудь ещё сказать учительнице, он чувствовал себя виноватым перед ней. Димка остановился, но никаких слов не придумал и сказал:

— До свиданья, Наталья Валентиновна!

* * *

Димка шёл и думал, чем бы порадовать Михаила Платоновича. Он решил пойти в лес и принести ему свежих пихтовых веток. От них так хорошо пахнет морозом и лесом, а ведь Михаил Платонович давно уже не был в лесу.

И вот Димка перед дверями комнаты Михаила Платоновича. В руках у него здоровенные ветки пихты. Он медлит, потом осторожно стучит. И вдруг из-за дверей раздаётся не какой-нибудь слабый, болезненный голос, а громкий, так хорошо знакомый бас Михаила Платоновича:

— Да, да, войдите!

Михаил Платонович сидит на кровати. У него желтоватое, похудевшее лицо, но глаза весёлые.

— Димка! Наконец я, брат, тебя дождался. Ох, ты, и вижу, половину тайги приволок! Поправлюсь, даже погулять будет негде!

— Нет, я по всем правилам: что можно, то и обломал.

Михаил Платонович положил себе на грудь ветки пихты и дышал ими. Он молчал.

— Дядя Миша, а что я ещё принёс, смотрите. — И Димка вытащил ледышку. Она основательно подтаяла у него в кармане.

Михаил Платонович взял ледышку и увидел, что внутри вмёрзла лягушка.

— Иду я по лесу, пихтовые ветки подбираю, — рассказывал Димка, — вдруг под ноги мне льдинка попалась, а в середине — тёмное пятнышко. Взял в руки — лягушка. На свету каждая жилка видна, а лапки в стороны раскинуты, точно мороз её схватил в прыжке. Ловко квартирку зимнюю придумала.

Михаил Платонович внимательно слушал Димку, потом положил льдинку в блюдо, которое стояло на стуле у кровати, и вдруг решительно сказал:

— Ну-ка, помогай. Я ведь сегодня первый раз встаю. — И Михаил Платонович, поддерживаемый Димкой, сделал первый осторожный шаг.

Он тяжело опирался на Димкино плечо и, видно, сильно волновался. Ещё один шаг — и снова остановка. Потом сразу четыре шага. Михаил Платонович отнял руку от Димкиного плеча и облокотился на подоконник.

Михаил Платонович смотрит на заснежённую улицу, на чернеющие человеческие фигурки и следы на снегу. И ему делается жарко-жарко, он вдруг пугается, что не дойдёт до кровати.

— Извини, я лягу. А то разволновался. Увидел улицу, снег, людей и разволновался. Но теперь-то мы с тобой ещё повоюем. Главное — живу.

«А как же может быть иначе?» — думал Димка. Грустить — это он уже знал, терять дружбу — тоже знал, но вот как не жить, этого он ещё не понимал.

Димка встал.

— Ну, я пошёл, Михаил Платонович.

— Иди, иди. Завтра приходи обязательно.

Дома он вытащил из портфеля свой дневник. Полистал его так, как будто это были совсем не его, а чужие записи. Не рассматривая, вырвал страницу, где была нарисована Наталья Валентиновна, и написал:

„5 декабря

И совсем я не один на всём свете. И мама у меня, и Север Иванович, и Михаил Платонович, и Юрка Новиков, и все ребята в классе, и Наталья Валентиновна тоже.

А вот Гога один.

П. М. М.“

М
очень
ся, а
Ст
чинае
навст
—
—
лось?
—
ясниш
—
ты скаж
мне. —
Толк
Он всё

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Мы живём втроём: папа, мама и я. Мама у нас очень беспокойная, она всегда о чём-нибудь волнуется, а папа её успокаивает.

Стоит мне провиниться в школе, мама сразу начинает меня воспитывать. Папа с работы, а она ему навстречу:

— Твоя дочь сегодня вылезла в окно.

— В окно? — удивляется папа. — И что же случилось?

— Ничего не случилось, но, может быть, ты объяснишь, зачем тогда двери?

— Ах да, действительно, зачем тогда двери? Что ты скажешь на это, Люда? — обращается папа ко мне. — Вот что, давайте лучше проверим у Даля.

Толковый словарь Даля — это папина слабость. Он всё у Даля проверяет.

— «Дверь, двери, — читает папа, — вход, отверстие для входа в здание. Не лошадь, а бегают, не человек, а говорит». — Папа растерянно пожал плечами и снова уставился в книгу: не ошибся ли он?

— Это загадка про дверь, — догадалась я.

— Ну, тогда всё ясно. Мама права, ты не должна была вылезать в окно.

— Я всегда права, — ответила мама.

— Но зато ты теперь не скажешь, что Даль никому не нужен и я зря истратил деньги.

Мама устало машет рукой. Она называет папу «безнадёжным оптимистом» и поэтому никогда долго на него не сердится.

И вот маму назначили в командировку. Ой, сколько разговоров было об этой командировке! Мама давно угрожала нам, что она с превеликим удовольствием бросит нас на недельку, так мы ей надоели.

— Я надеюсь, что за неделю вы не умрёте с голоду, но многому научитесь и станете наконец самостоятельными людьми.

Всё шло спокойно до тех пор, пока мама только угрожала, но, когда её действительно собрались отправлять в командировку, вот тут-то началось!

Она стала говорить, что начальство у них в управлении бессердечное.

— Они не понимают, что значит бросить двоих детей на произвол судьбы.

— Постой, постой, — вмешался папа, — а почему, собственно, двоих?

— Люду и тебя. Ты, конечно, думаешь, что ты уже не ребёнок. Да? Так я тебе отвечу: ты хуже ребёнка.

Папа пожал плечами. Мы хорошо знали с ним по опыту, что с мамой лучше не спорить, когда она расстроена.

— Ну скажи, — продолжала мама, — как вы будете жить?

— Как? — рассмеялся папа. — Что же здесь

трудного? Утром встанем, позавтракаем. Люда — в школу, а я — в институт.

Папа прошёлся по комнате.

— Надеюсь, без тебя мы не разучимся ходить, — сказал он, от волнения зацепился одной ногой за другую и чуть не упал.

— А что вы будете есть?

— То, что найдётся на завтрак. Ты ведь знаешь, мы с Людой не привереды.

— А Люда пойдёт в школу одна?

— Но она уже взрослая девочка, ей скоро одиннадцать лет.

— Так вот, на завтрак ничего не найдётся, если вы сами не приготовите, а Люда попадёт под машину, когда будет переходить площадь. — И мама жалобно всхлипнула.

Я долго не могла уснуть в тот вечер и слышала, что папа с мамой о чём-то оживлённо разговаривали.

Утром мама была грустная, а вечером мы провожали её в командировку. Мы стояли на перроне, и мама давала нам последние наставления, что покупать и как готовить, сколько тратить денег.

Скоро все заторопились, потому что по радио какая-то тётенька сиплым голосом, точно ей сдавили горло, объявила, что поезд отправляется. И наша мама уехала.

Первый вечер мы были ничего. Разговаривали, делали уроки, подогревали ужин, приготовленный мамой. На второй день мы тоже ещё крепились, снова разговаривали, делали уроки и подогревали всё тот же мамин ужин. А на третий вечер затосковали. Мы ходили из одной комнаты в другую и никак не могли найти себе работу. Не читалось, не писалось и даже не вспоминалось.

Спать легли голодные, потому что мамины заготовки кончились.

— Так, так, — сказал папа, — нас этим не испу-

гаешь. Завтра вплотную займёмся хозяйственными вопросами.

В ответ я только тяжело вздохнула. Мне стало ясно, что мама зря уехала, без неё всё не так.

Однажды папа прибежал домой радостный, как, бывало, при маме, и сказал:

— Я придумал, Люда, я придумал! Мы сделаем маме сюрприз. Какой? Посмотри на потолки.

Я задрала голову. Смотрела, смотрела, ничего не высмотрела. Потолки как потолки, белые, кое-где с трещинками.

— А теперь посмотри на стены.

Уставилась на стены. Стены как стены — синеватые, пожухлые.

— Ну, что ты скажешь, прав я?

— Не знаю.

— Не знаешь! — возмутился папа. — А я знаю. В такой грязи жить нельзя. Мы позовём мастеров и отремонтируем квартиру. Побелим потолки, выкрасим стены. Мама вернётся из командировки и ахнет. А?

Я сначала обрадовалась, а потом вспомнила про наши денежные дела и вздохнула.

— Но мы уже истратились.

— Истратились? — удивился папа. — Покажи отчёт.

Я взяла бумажку, на которой были записаны все наши покупки, и прочитала:

— Старинные канделябры. Ты сказал, что восемнадцатого века и поэтому очень ценные. Портфель, потому что у меня был самый плохой во всём классе. Потом ты одолжил деньги Петрову, хотя мама предупредила, что ему одалживать нельзя. Он теперь будет отдавать целый год.

Папа схватил листок с записями, скомкал его, бросил на пол и сказал:

— Ну, тогда... тогда мы сделаем ремонт самостоятельно!

— Самостоятельно! — закричала я. — Вот здорово! Ты ещё никогда так не придумывал.

— Значит, принимаемся за дело? Тащи бумагу и карандаш.

Папа сел за стол и от волнения опрокинул чернильницу. На рукаве пиджака образовалось пятно величиной с хорошую сливу.

— Так, так... — сказал папа. — Ничего страшного, после ремонта всё равно костюм придётся отдать в чистку.

— Да, — ответила я. — Хорошо, что мама не видит.

Папа взял карандаш и написал:

«1. Купить краски и кисти.

2. Сдвинуть всю мебель в центр комнаты и накрыть её газетами, чтобы не закапать красками».

Потом папа задумался, что бы ещё такое записать, но так ничего и не придумал. Ему, видно, стало досадно, и он сказал с лёгкой обидой:

— Пока и этого достаточно.

В самый разгар работы, когда мы вытащили из книжных шкафов все книги (иначе шкафы с места не сдвинешь) и сложили их стопками посередине комнаты, зазвонил телефон.

Мы сразу догадались, что звонит мама, потому что звонок был сплошной, без перерывов, междугородный. Мы бросились к телефону напрямик и сбили две стопки с книгами. Папа споткнулся и растянулся во весь рост, а его любимый Даль довольно основательно шлёпнулся ему на спину. Стряхнув Даля, папа подполз к телефону и проговорил слабым голосом:

— Да, Леночка? Нет, ничего, всё в порядке. Грустный? Что ты! Как ты устроилась? Хорошо? Сыты, обуты. Ноги? Нет, не промочил. Леночка, — папа потёр спину и ободряюще посмотрел на меня, — Леночка, скажи, какой твой самый любимый цвет? Нет, ответь, очень прошу тебя. Голубой, синий, зелёный?

Время разговора истекло, и телефонистка хотела нас разъединить, но папа выпросил одну минуту, чтобы я могла услышать мамин голос.

— Людочка, — успела только сказать мама, — что вы там задумали с папой? Не делайте никаких опрометчивых покупок. — В трубке что-то щёлкнуло, и мамин голос пропал.

— Придётся цвета выбирать на свою ответственность, — вздохнул папа и снова взялся за шкаф.

К воскресенью всё было готово. В передней стояли банки с масляной краской и олифой, неразведённые белила и купорос. И, хотя ещё ничего не раскупоривали, в комнатах уже приятно пахло красками и керосином, как в хозяйственных магазинах.

— Начинать надо с потолка, — проговорил папа тоном заправского маляра. — Сначала его прокупуросим.

Мы были в самом рабочем виде — папа в старой пижаме, которая ему была коротка, так что из неё торчали голые ноги и руки, а — в платье трёхлетней давности. Долго я не могла в него втиснуться, а когда влезла, то оно треснуло сразу в трёх местах: на спине, на животе и сбоку. Вот, оказывается, как я выросла!

— Так, так... — Папа смерил на глазок расстояние до потолка. — Придётся поставить табурет, иначе не достанешь... Люда, — приказал папа, — живо тащи табурет и кисть из кухни.

Я притащила табурет. Папа взгромоздился на него и взял у меня кисть.

Папа примерился кистью, но всё равно он ещё здорово не доставал до потолка.

— Придётся на табурет поставить стул.

Папа стал по очереди взбираться на каждый стул, чтобы выбрать самый крепкий. Два стула не выдержали и треснули.

— Хорош был бы я на этих стульях под потолком, — заметил папа.

Папа усиленно продолжал свои поиски, а я уже

думала, что когда вернётся мама, то нам не на что будет даже её посадить. Но всё же папа нашёл такой стул, который выдержал его подпрыгивания. После этого он стал осторожно взбираться на это двухэтажное сооружение.

Папа стоял на стуле и боялся пошевелинуться, чтобы не грохнуться. Он стоял навтыжку, как часовой, с кистью в руках.

— Люда, — сдержанно дыша, сказал папа, — принеси ведро с купоросом.

Я уже возвращалась с купоросом, когда вдруг раздался оглушительный треск.

Папа лежал на боку, а кисть, стул и табурет были раскинуты в разные стороны.

— Ты упал?

— Нет, — ответил папа, — я просто... прыгнул. Но, учитывая такую возможность, я думаю, нам надо запастись необходимыми медикаментами. Я сейчас начну работать, а

ты сбегай в аптеку и купи йод, бинт, вату и... нашатырный спирт.

Когда я прибежала из аптеки, папа работал всю. Он уже прокупоросил половину потолка и теперь прыгал на стуле с табуретом с ловкостью циркового акробата. У меня защемило в груди — как бы папа опять не рухнул. Скоро я успокоилась — папа, видно, уже успел приноровиться.

На следующее утро обнаружилось, что у папы не поднимаются руки, так он натрудился, а у меня ноги не бегают, так я набегалась. И ещё я вспомнила, что забыла сделать уроки.

Папа взял листок бумаги и написал негнувшимися пальцами, что Люда Шувалова не сделала уроки по его вине и что завтра она обязательно всё сделает.

С этим мы и расстались. Папа отправился в институт, а я — в школу.

На третий день ремонта дело обстояло так: у меня на лбу красовался здоровенный синяк — это на меня упал мамин портрет, — а в дневнике значилась двойка по арифметике. У папы все руки были перебинтованы — он разбился во время второго падения.

— Так, так... — сказал папа, когда мы подвели итоги трёх дней. — Придётся ремонт денька на два отложить и заняться арифметикой... и здоровьем.

Несколько дней, каждый вечер, папа проверял у меня уроки. Мы решали задачи по арифметике про велосипедистов, которые выезжают из разных городов навстречу друг другу и неизвестно в каком месте встретятся.

— Боже мой, — сказал папа. — Как было бы просто, если бы они договорились встретиться в каком-нибудь определённом месте.

После этого я поняла, что папе эти задачи даются тоже не легко.

Время шло. Приближался день маминого приезда. Мы с папой очень волновались, потому что в нашу квартиру было опасно войти. Можно было легко

а.
о-
рь
о
а
о,
е
и
о

поскользнуться и плюхнуться в какой-нибудь таз с краской. Или совершенно неожиданно на тебя могла свалиться кухонная полка, потому что при окрашивании стен папа расшатал все гвозди. Я уж не говорю о том, что пол у нас от мела был белого цвета и всё пачкалось: стены, двери, ручки дверей, подоконники и окна. И среди всего этого ходили два разноцветных человека — это папа и я. О нашем ремонте уже знали все в моём классе, и папины сотрудники тоже знали.

Когда мы второй раз составили с папой план действий, каждая минута у нас была на заметке. Мы по расписанию вставали, делали зарядку, готовили завтрак, который потом ели вместо обеда и ужина, и занимались ремонтом. Работа сразу пошла быстрее.

— Вот что значит дисциплина! — радовался папа. — Теперь мы всё успеем. Пусть тогда мама скажет, что мы не самостоятельные люди.

Однажды в разгар работы почтальон принёс нам телеграмму.

Папа торопливо разорвал бланк и прочёл:

ВСТРЕЧАЙТЕ ДЕСЯТОГО ШЕСТЬ УТРА ПОЕЗД 22
ВАГОН 4 ЦЕЛЮЮ МАМА

— Десятое завтра, а сегодня девятое. Значит, сегодня, это не завтра, — окончательно запутался папа. — Будем работать до утра, устроим аврал.

Папа тяжело вздохнул, и я тоже тяжело вздохнула, или, как говорит наш школьный врач, прочистили лёгкие, только от этого прочищения нам лучше не стало.

«Конечно, — раздумывала я, — попадёт нам от мамы по первое число. Потому что никакого впечатления, когда кругом такая грязь. А разве мы успеем вымыть полы, расставить всю мебель и убрать книги?»

— Так, так... — сказал папа. — Растерялась? Ну-ка, за дело. — Он прошёлся боевой походкой по комнате.

Сколько мы потом работали, я не знаю. Только спина у меня так разболелась, что я думала, что на всю жизнь останусь согнутая.

* * *

Я проснулась оттого, что в комнате пахло цветами. Гладиолусы и розы, которые я вчера купила для мамы, стояли на столе. В комнате было чисто, стол накрыт новой скатертью. «Вот папка молодец, — подумала я, — всё успел!»

Я побежала в его комнату. Он мирно спал, как был, в мамином халате.

— Вставай, вставай!

Он осмотрел чисто прибранную комнату, стройные ряды книг на книжных полках, потом как закричит:

— Люда, ты просто молодец!

Я ничего не ответила папе, а подумала, что, может быть, он от усталости всё напутал, и сказала:

— Это не я.

— Тогда, может быть, всё это сделал я?

— Папочка, — пробормотала я, — честное слово, это сделала не я.

— А кто же? — озабоченно спросил папа.

— Не знаю.

Вдруг папа перешёл на зловещий шёпот:

— Люда, здесь кто-то был. Проверь время.

Я набрала по телефону номер и ахнула. Было девять часов утра.

Папа на цыпочках, стараясь не шуметь, направился в кухню, я за ним. Никого. Потом открыл дверь в мою комнату, остановился, замахал руками и попятился назад.

— Что такое? — У меня от страха зуб на зуб не попадал.

— Там, там... — только и смог ответить папа.

Я осторожно заглянула в свою комнату и увидела в углу мамин чемодан.

Несколько минут мы стояли молча, потом снова заглянули в комнату. Нет, чемодан не пропал.

— Так, так, — сказал папа, — не унывать, не унывать.

Но в это время щёлкнул замок и в дверях появилась мама. Она бросилась нас успокаивать. А папа от волнения вытер лицо платком, которым мы протирали стены, отчего у него по щеке пролегла чёрная борозда.

Мама вздохнула и сказала:

— Наконец я чувствую себя дома!

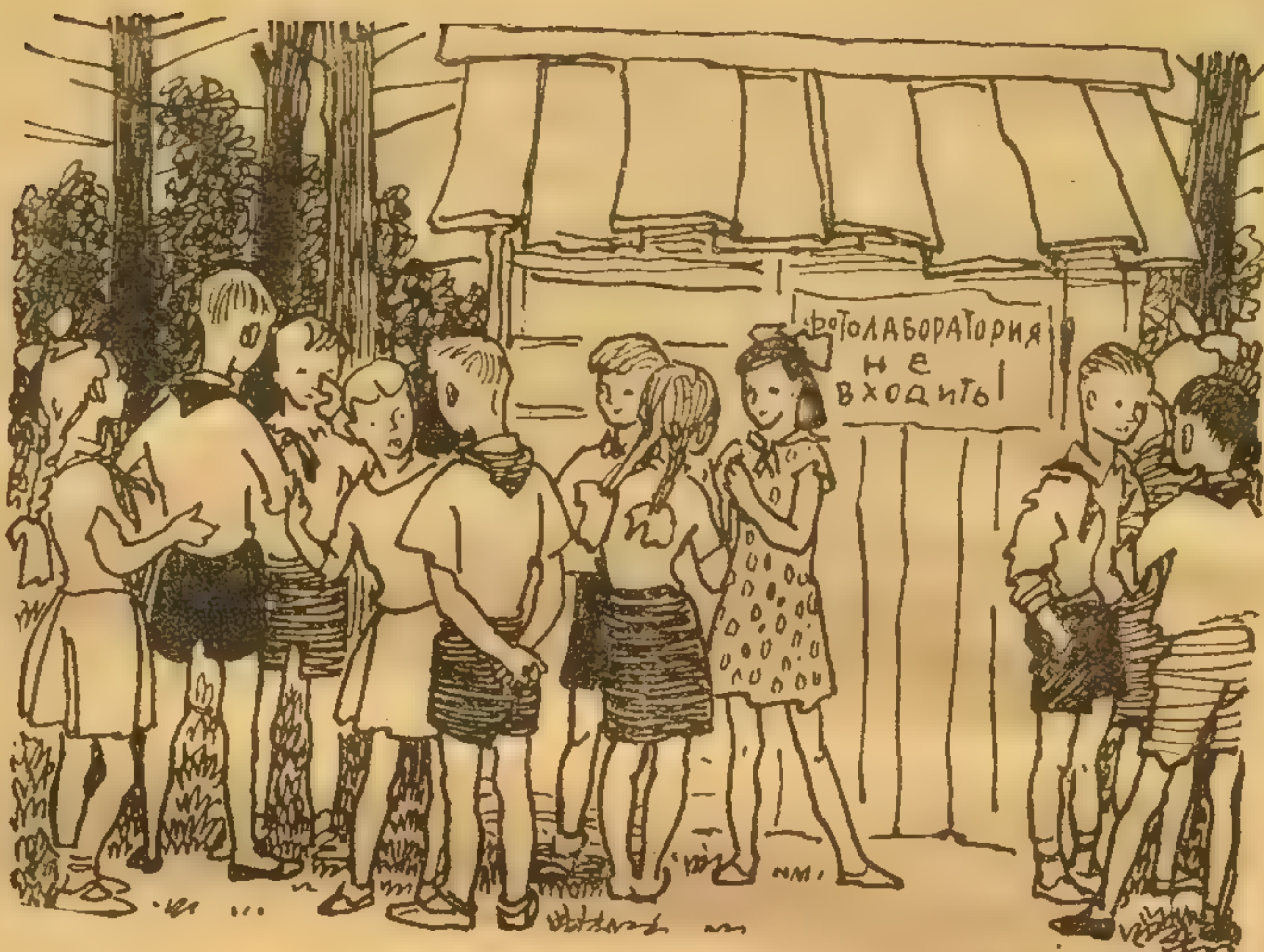
— Ну вот видишь, как всё хорошо кончилось, — сказал папа.

И я подумала про себя: «Может, мы на самом деле стали самостоятельными?!»

Во всяком случае, я теперь свободно могу вымыть пол, поджарить картошку до хрустения и добраться без приключений в школу.

ИЗ БИОГРАФИИ ВОВКИ КУРОЧКИНА

Началось всё с того, что Вера Васильчикова попала в комиссию, которой поручили составить программу концерта к родительскому дню.

Комиссия работала непрерывно, без отдыха, до самого обеда. Говорили сразу все: трещали девочки, вставляли острые слова мальчишки, а вожатый руководил спором.

Спорили долго, до хрипоты, и непонятно было, как члены комиссии понимают друг друга. Но они понимали, потому что вожатый неожиданно сказал:

— Ну вот, наконец программу утрясли.

Все облегчённо вздохнули.

— Эх, жалко фотографа нет, а то бы щёлкнул нас на концерте, — заметил мальчишка, который сидел на подоконнике и болтал ногами.

— Вот бы здорово! Это идея! Молодец, Борис, хорошо придумал! — снова раздался разноголосый хор.

И тут послышался новый голос, который во всём этом споре не участвовал. Он был робкий и тоненький и принадлежал самой маленькой девочке. Когда она заговорила, то все уставились на неё.

— Я знаю одного фотографа...

— Подумаешь, я знаю целых десять, — перебил её Борис.

— Нет, вы меня неправильно поняли. Он в нашем лагере. Это Вовка Курочкин из третьего отряда.

— Это такой вот шкетик? — засмеялся Борис.

— Он вовсе не шкетик! — вдруг обиделась девочка. — Я всю его биографию знаю. Он... он... редкий человек. Настойчивый.

— Ну ладно, — примирительно сказал вожатый, — не будем ссориться. Между прочим, Борис, ты неправ. Ты же не знаешь Курочкина, а берёшь на голос. Васильчикова, приведи Курочкина.

Борис упёрся руками в подоконник и спрыгнул на пол.

— Поживём — увидим.

Ребята разбежались, и в комнате остался один вожатый.

Стало тихо. Но скоро под окном послышались приглушённые голоса. Это были Васильчикова и Курочкин.

— Не понимаю, почему ты не хочешь идти?! Ведь ты меня ставишь в неловкое положение.

— А кто тебе велел говорить про меня?

— А зачем ты хвастался, что будешь меня каждый день фотографировать? Я даже маме про это сказала.

Курочкин промолчал. Видимо, он колебался.

Но тут в окне показалась взлохмаченная голова вожатого:

— Ну, Курочкин, принимаешь предложение?

Вовка отчаянно покраснел и сказал робко:

— Можно попробовать, но если что не получится...

— Не скромничай, не скромничай!

Вовкин аппарат был древней конструкции, сильно потрёпанный от времени. Именно поэтому Вовка и колебался, когда Вера вела его к вожатому: вдруг аппарат не сработает.

Страсть фотографа всё же взяла верх над осторожностью, и он вытащил аппарат со дна чемодана. С этой минуты Вовка Курочкин стал героем дня.

Утром он вытаскивал фотоаппарат, и вокруг него немедленно собиралась толпа любопытных. Даже Борис, чемпион лагеря по плаванию, считавший Вовку «шкетиком», и тот вежливо здоровался с Вовкой за руку.

На концерте ■ родительский день Вовке уступали самые хорошие места, чтобы удобнее было фотографировать. После концерта ребята гурьбой проводили его до дверей давно заброшенной сторожки, на которой висела надпись:

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ. НЕ ВХОДИТЬ

Вовка скрылся ■ сторожке со строгой надписью, а ребята остались перед дверью ждать результатов.

Прошёл час, второй, а Вовка не выходил. Он сидел в тёмной лаборатории, плакал и смотрел в замочную скважину — ждал, когда все уйдут. Выйти он не мог, потому что ни один снимок у него не получился.

Наконец у дверей осталась одна Васильчикова, и Вовка отважился появиться, её-то всё равно не переждёшь.

— Выдержка маленькая, ничего не отпечатаешь, — сказал Вовка безразличным тоном и посмотрел в сторону.

Вера ничего не ответила.

Скоро уже весь лагерь знал о Вовкиной неудаче.

— Настоячивый, редкий человек, — смеялся Борис. — Сапожник он, а не фотограф! Кто теперь таким аппаратом снимает? В музей сдать его надо.

Курочкин сделал ещё две попытки спасти положе-

ние: во время спортивных состязаний и на прополке колхозного картофеля.

На этот раз у фотолаборатории ждала только Вера. Увидев Вовкино хмурое лицо, она попросила:

— Вовка, забрось аппарат, раз у тебя такая неудача.

Но Вовка ничего не ответил и ушёл. Несколько дней он ремонтировал свой аппарат, а потом перешёл на фотографирование неживой природы — кустов и деревьев. Он часто уходил в лес, где никто ему не мешал.

Скоро в лагерной юмористической газете «Горчичник» появился рисунок, на котором был изображён Вовка Курочкин среди лесных зверей.

Вовка только усмехался — никто ведь не знал, что он уже добился кое-каких результатов. Он продолжал свои лесные прогулки.

Однажды он наткнулся на одинокую корову. Это была удача. Вовка уже давно мечтал снова перейти к работе над живой натурой.

«Только бы не убежала!» — подумал он и торопливо установил аппарат на треноге. Как назло, в этот самый момент корова отвернулась от объектива и показала Вовке свой коровий хвост.

Вовка схватился за треногу, рысцой перебежал на новое место и снова поставил аппарат перед коровьей мордой.

Корова скучно посмотрела на Вовку и опять отвернулась.

Теперь Вовке то и дело приходилось перебегать с аппаратом с места на место. Он заискивающе улыбался, призывно чмокал, упрашивал корову стоять спокойно. Но перед объективом всякий раз оказывался коровий хвост или, в лучшем случае, бок.

Сильно припекало солнце. Вовка взмок и устал. После очередной неудачи он решил задобрить корову — сорвал несколько пучков травы, сунул к самой морде и погладил по шелковистой шее. Корова понра-

вилась ласка, она призывно замычала и принялась жевать пучки травы.

Курочкин же на цыпочках вернулся к аппарату.

— Спокойно, — прошептал он, — снимаю! — И корова была сфотографирована.

— Вперёд! — крикнул Вовка, схватил треногу наперевес и помчался в лагерь.

Корова испуганно шарахнулась в сторону.

Вера застала Вовку, когда он уже печатал фотографию коровы.

— Ты всё носишься с этим, — она ткнула пальцем в аппарат, — а в лагере тревога. В колхозе происшествие: пропала самая породистая корова. И все ребята идут её искать. А я тебя жду, жду. А что, если все уйдут и справятся без нас?

— Корову? — удивился Вовка. — Ищут корову? А какая она?

— Какая
венная, кот
Когда Е
уже никог
рис и как
фане.

— При
Вовке и Ве

— Тиш
Васильчик

— Мы,
разревелас

— Васи
человек из

— Да я
нибудь про

— Куро
твоя вина.

Вовка по
мой девушк

— Ваша

— Верно

— Я её

— Во сн

Но Вовка

ся и протяну

тографию, на

— Она, с

С того дн

перестали по

навсегда укр

Однажды

вушка из ко

не сбежала л

улыбалась и

ке взяла сло

— Какая! — всплеснула руками Вера. — Обыкновенная, которая даёт молоко и бодается рогами.

Когда Вовка и Вера прибежали на линейку, там уже никого не было. Остались только вожатый, Борис и какая-то незнакомая девушка в пёстром сарафане.

— Привет фотографам! — Борис помахал рукой Вовке и Вере. — Как успехи?

— Тише, Борис, — сказал вожатый. — Курочкин и Васильчикова, вы почему опоздали на линейку?

— Мы, мы... Ай, я так хотела её найти! — И Вера разревелась.

— Васильчикова, как тебе не стыдно, здесь чужой человек из колхоза! — сказал вожатый.

— Да я всё лето ждала, чтобы случилось какое-нибудь происшествие, и прозевала!

— Курочкин, — сказал вожатый сурово, — это твоя вина. Вот до чего ты довёл девочку.

Вовка покраснел и сказал, обращаясь к незнакомой девушке:

— Ваша корова белая с чёрными пятнами?

— Верно, — ответила она. — А ты откуда знаешь?

— Я её только что видел.

— Во сне! — рассмеялся Борис.

Но Вовка уже пустился бежать. Скоро он вернулся и протянул девушке ещё мокрую, непросохшую фотографию, на которой красовалась корова.

— Она, Соловушка! — сказала девушка.

* * *

С того дня над Вовкиной неудачливой страстью перестали потешаться. А потом произошло такое, что навсегда укрепило за ним имя редкого человека.

Однажды в лагере появилась знакомая уже девушка из колхоза. Ребята начали спрашивать у неё, не сбежала ли Соловушка опять, но она только хитро улыбалась и ничего не отвечала. А на вечерней линейке взяла слово и сказала:

— Наш колхоз постановил на общем собрании награждать пионера Владимира Курочкина за находчивость и настойчивость фотоаппаратом «Смена».

Девушка подошла к Вовке. И в следующий момент все увидели, что у него на груди висит на тоненьком жёлтом ремешке новый фотоаппарат.

— Курочкин, — улыбнулся вожатый, — выступи и скажи что-нибудь.

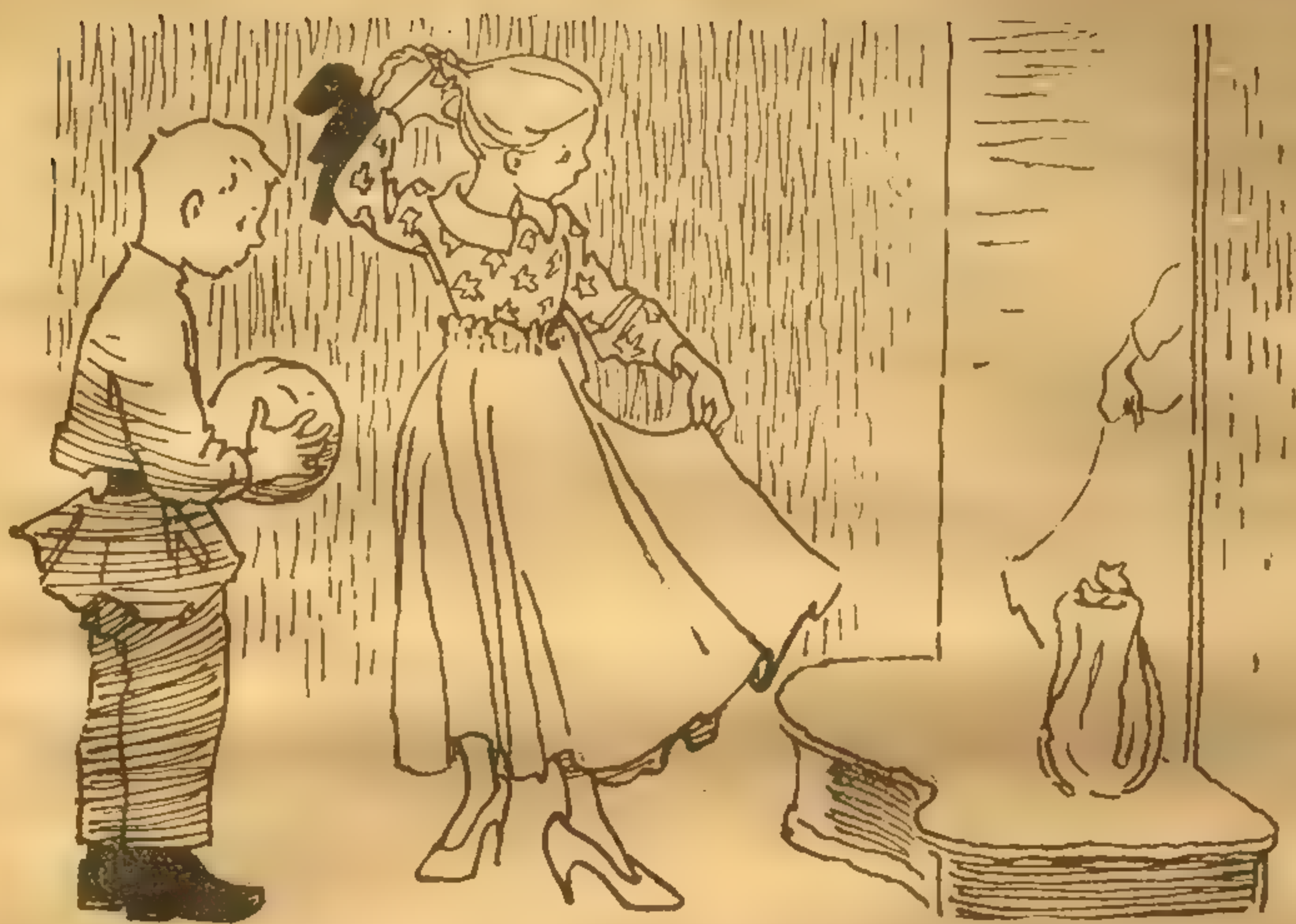
Но Вовка ничего не мог сказать, потому что у него во рту стало сухо-сухо и ему показалось, что он вообще разучился говорить.

А на другой день «редкий человек» Вовка Курочкин был приглашён фотокорреспондентом в лагерную газету «Горчичник».

На
ма гов
когда
я обяза
соучаст
Па
догады
тазия,
как она
и крути
Но
мама и
Гал
ла и ре
она люб
франтих
неньком

РАЗНОЦВЕТНАЯ ИСТОРИЯ

Нас двое у родителей, я и моя сестра Галя, но мама говорит, что мы стоим добрых десяти. Мама никогда не оставляет нас дома одних, потому что тогда я обязательно что-нибудь придумаю и сделаю Галю соучастницей.

Папа называет это «цепной реакцией». И никто не догадывается, что виноват в этом совсем не я, а фантазия, которая живёт во мне. Не успею я опомниться, как она уже что-нибудь такое задумает и вертит мною и крутит как захочет.

Но в это воскресенье нас всё же оставили одних — мама и папа ушли в гости.

Галя тут же собралась гулять, но потом передумала и решила примерить мамину новую юбку. Вообще она любит примерять разные вещи, потому что она франтиха. Галя надела юбку, мамины туфли на тоненьком, изогнутом каблуке и стала представлять

взрослую женщину. Она прохаживалась перед зеркалом, закидывала голову и щурила глаза. Галя худая, и юбка болталась на ней, как на вешалке.

Я смотрел, смотрел на неё, а потом увлёкся более важным делом.

Совсем недавно я был назначен вратарём классной футбольной команды и вот решил потренироваться в броске. Я начал прыгать на тахту. Пружины подо мной громко скрежетали и выли на разные голоса, точно духовой оркестр настраивал свои инструменты.

— Прыгай, прыгай! Вот допрыгаешься — скажу маме!

— А я сам скажу, как ты юбки чужие треплешь!

— А ты всё равно зря тренируешься, — ответила Галя.

— Почему же? — осторожно спросил я.

— А потому, что с таким маленьким ростом не берут на вратарей.

Галя, когда злится, всегда напоминает о моём росте. Это моё слабое место. Галя моложе меня на год и два месяца, а ростом выше. Каждое утро я цепляюсь за перекладину на дверях и болтаюсь минут десять, используя старинный совет шведских спортсменов. Говорят, помогает росту. Но пока что-то помогает плохо. Не знаю, почему все расхваливают Петера Линге, который придумал так висеть на «шведской стенке».

Обо всём этом я, конечно, Гале не сказал, а только с издёвкой заметил:

— Не возьмут, говоришь? Три ха-ха! Много ты в этом понимаешь! Посмотрела бы на мою прыгучесть! — Я со всего размаха бросился на тахту, но прыгнул без расчёта и ударился головой об стенку.

Галя расхохоталась, а я предложил ей:

— Ну, хочешь — я устрою ворота, а ты возьми мяч и попробуй забить гол.

Гале, видно, надоело представляться взрослой женщиной, и она согласилась.

И вот я стал в воротах, между старинными каминными часами, которые считались в нашей семье музейным экспонатом, и подушкой, и, надев подлокотники и наколенники, пружинил ноги, чтобы сделать бросок.

Галя подобрала юбку...

Удар! Я падаю и ловлю мяч. Снова удар! И снова мяч у меня в руках!

Гале охота забить гол, а я, не жалея ни рук, ни ног, падаю на пол и ловлю мяч.

Но вот я отбиваю мяч, и он летит прямо на письменный стол, опрокидывает чернильницу и, точно ему мало этого, несколько раз подпрыгивает на чернильной луже. И тут же на маминой юбке появляется большое фиолетовое пятно.

Галя оцепенела от ужаса, а я как лежал на полу, так и остался там лежать.

— Ой, что теперь будет? — заныла Галя. — Ты только и знаешь, что неприятности придумывать, а я потом расхлёбывай?

Я тоже растерялся, но, чтобы успокоить Галю, бодро сказал:

— Ничего, отстираем.

И тут мне в голову пришла идея.

— Ты помнишь, — говорю, — мама мечтала о фиолетовой юбке?

— Помню, — нерешительно отвечает Галя и морщит лоб.

Она так всегда делает, когда что-нибудь вспоминает.

— Мы сделаем маме подарок. У неё была жёлтая юбка, а теперь будет фиолетовая.

Галя на всякий случай подальше отодвинулась от меня.

— Может, ты думаешь, я разрешу тебе вымазать всю юбку чернилами?

Я ничего не ответил, а тут же полез в мамин ящик, где у неё среди всяких лоскутков хранились пакетики

с краской. Скоро у меня в руках были три таких пакетика. Только фиолетовой не оказалось. Но это меня уже остановить не могло.

— Ну, какую возьмём? — Я держался спокойно, потому что видел, что Галя тоже увлеклась моей идеей.

— Знаешь, Юрка, синий цвет, по-моему, очень скучный, — ответила Галя. — А коричневый ещё скучнее. Достаточно, что я весь год хожу в коричневом платье.

— Значит, красный. Хорошо. Это лучше, чем фиолетовый. Пошли!

И мы отправились с Галей на кухню.

Налить в таз воды и вскипятить — дело для меня пустяковое.

Галя послушно стянула юбку и, ойкая, передала мне, а я без колебаний опустил её в закипевшую жидкость.

«Началось!» — подумал я про себя, но отступить было уже поздно.

— Принеси папину чертёжную линейку, — приказал я.

— Зачем? — робко спросила Галя.

— А как по-твоему, чем мы будем ворочать юбку в тазу? — ответил я. — Руками? — И добавил мамины слова: — О святая простота!

Галя вышла из кухни и вернулась с длинной чертёжной линейкой.

Прошло около часа. Я смотрел, как варится юбка, изредка помешивая бурлящую тёмно-красную жидкость линейкой.

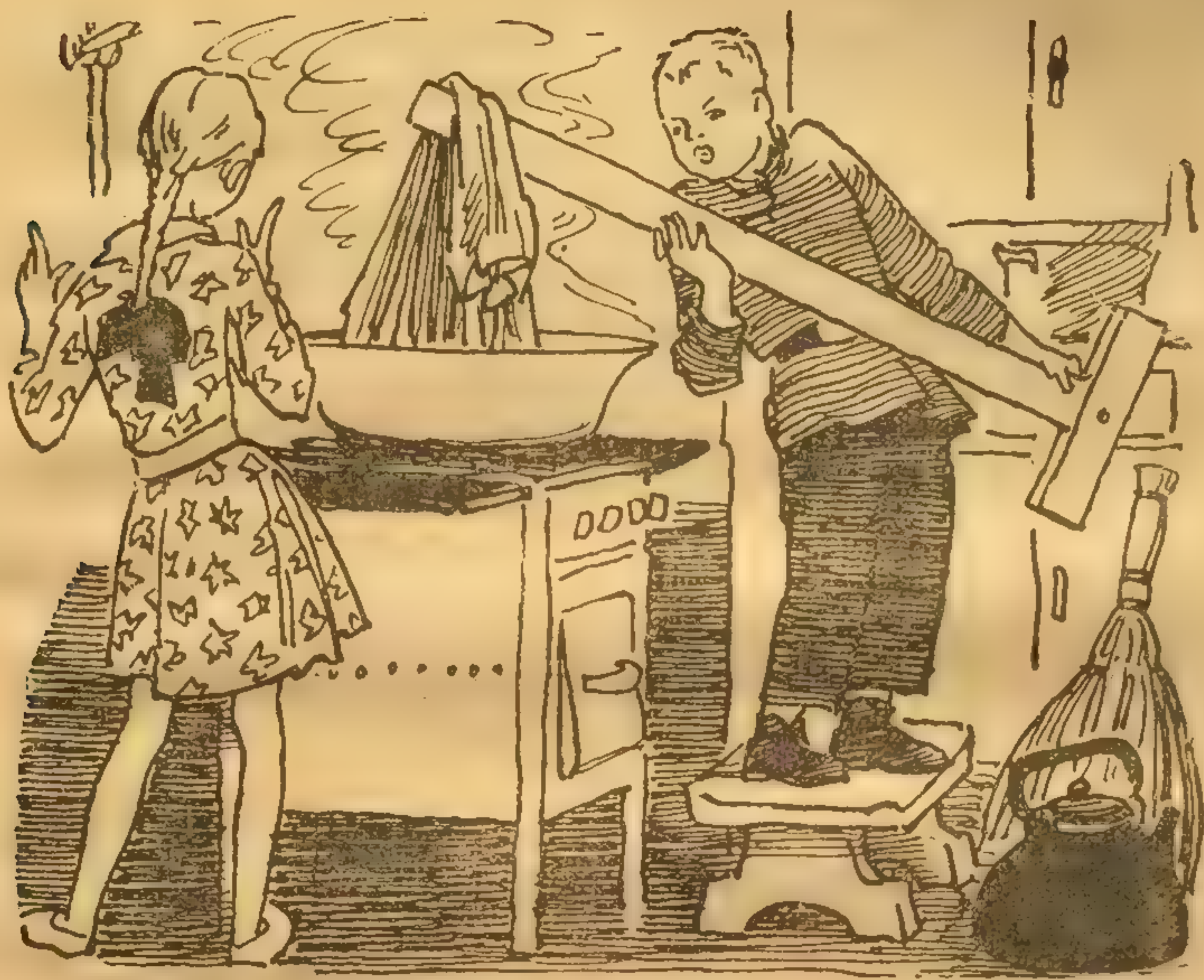
— Может, уже довольно? — спросила Галя.

— Я знаю, когда довольно.

Наконец положенное время вышло, и мы вытащили юбку, отяжелевшую от воды. Слегка отжали её и повесили сушить.

— Смотри, Юрка, — испуганно сказала Галя, — она не красная, а какая-то оранжевая!

— Ну и что? — ответил я авторитетно. — Это редкий и красивый цвет.

Когда юбка просохла, Галя приложила её к себе и прошла перед зеркалом. В комнату падал солнечный свет. Он играл в складках юбки и отсвечивал разноцветными огоньками. От этого юбка показалась мне ещё красивее.

— Вот это да! — рассмеялась Галя. — Ты у меня умница. Если мама теперь останется недовольна, значит, ей просто не угодишь.

«Может быть, на этот раз меня фантазия не подвела и всё кончится хорошо», — подумал я и даже развеселился. У меня появилось желание выкрасить что-нибудь ещё.

Но тут случилось самое страшное. Почти одновременно с Галей я заметил на юбке чернильное пятно. Чернильное пятно, из-за которого началась вся эта

история с красителями. Ни оранжевая краска, ни кипящая вода — ничто его не взяло. У меня сразу испортилось настроение, но я всё же овладел собой и сказал:

— Сейчас мы накапаем по всей юбке маленькие чернильные пятна, и у нас будет не просто оранжевая юбка, а в фиолетовую горошину.

— В горошину? — возмутилась она. — А потом в полоску? А потом в коричневый цвет? Ой, что теперь со мной будет! — И Галя заревела.

Я бросился на тахту, закрыл уши руками, чтобы не слышать Галиного рёва, и стал ждать.

Скоро пришли папа с мамой. Они были весёлые, и мы с Галей ничего не сказали — не хотели перед обедом портить им настроение.

Папа даже заметил:

— Что-то наши дети сегодня очень тихие?

«Сейчас надо сознаться», — подумал я про себя, а вслух сказал:

— А что нам веселиться, мы ведь не были в гостях.

После обеда мы с Галей тоже промолчали и ушли гулять. И вдруг папа позвал нас домой.

Когда мы вошли, папа стоял посреди комнаты с чертёжной линейкой в руках, которая была теперь оранжевого цвета. Я подумал, что папа начнёт нас сейчас ругать за испорченную линейку, и временно успокоился. Но он поднял линейку и показал на маму.

Мама была одета в коротенькую юбчонку-недоме-рок, выше колен. Это всё, что осталось от её новой жёлтой юбки.

Я в ужасе закрыл глаза. Папа заметил, что я так стою, и закричал:

— Открой глаза и хорошенько полюбуйся на свою работу!

Тут Галя заплакала, а я осторожно приоткрыл один глаз и посмотрел на маму. Про себя я подумал: «Разве мы виноваты, что юбка села?»

До самого вечера вся наша семья молчала. Потом

папа куда-то ушёл. Галя чуть снова не заплакала, потому что каждое воскресенье в это время папа гулял с нами, а тут он ушёл один. А мама всё молчала и молчала. Очень трудно нам, когда она так молчит.

Ушла бы погулять, а я тут что-нибудь придумал бы. Ну, сварил бы обед, какой любил д'Артаньян — жареные цыплята в яблочном соусе. Мама вернулась бы: «Ах!» — а обед готов, и прощение у меня в кармане. Или перемыл бы всю посуду. Или окна к зиме заклеил.

Но тут я вспомнил, что всё это я уже делал, и всё неудачно. Я подумал, что хорошо было бы составить устав для фантазёров. Я бы написал в этом уставе так:

«Никогда не берись за то, что не умеешь делать. Если взялся мыть посуду, то зачем её бить? Если берёшься заклеивать окна, то не надо висеть в открытом окне по два часа и пускать мыльные пузыри на головы прохожих. Если взялся варить компот, то ешь его в сыром виде умеренно».

«Боже мой, — решил я, — какой я несчастный человек и какая у меня теперь будет тоскливая-тоскливая жизнь!» Мне стало жалко себя. Правда, это продолжалось недолго. Я вспомнил, что устав такой мне ещё никто не написал, и успокоился.

А в следующее воскресенье мама с папой снова ушли, как нарочно. Галя убежала на улицу, потому что боялась со мной оставаться дома.

«Известно, — подумал я, — девчонки — слабое племя. А я вот никуда не уйду и свой устав выполню».

Решил почитать, но, как назло, под руки попалась книга про Тома Сойера. А он тоже был законченный фантазёр. Бросил книгу. И тут мне пришло на ум, что хорошо бы сшить Гале новое платье. Мама материю купила, а сшить никак не соберётся. Голова у меня пошла кругом.

«Буду считать вслух, — решил я, — пока все эти идеи у меня сами не выскочат из головы».

Я стал бегать по комнате и считать. Я досчитал до тысячи, потом до десяти тысяч, а голова моя гудела, словно чайник на плите. Тогда, окончательно измученный, я собрал всю обувь, какая была в доме: ботинки, летние босоножки, мамины выходные лодочки и папины тяжёлые охотничьи сапоги.

Я всё делал как полагается. Коричневые туфли чистил жёлтой мазью, чёрные — чёрной, светлые — белой. В общем, я ничего не старался перекрасить. И скоро передо мной в сверкающем строю стояла вся наша обувь.

— Пусть теперь скажет кто-нибудь, что я неудачник! Подождите, я ещё сварю вам обед почище, чем д'Артаньян едал...

СЕНЬКА

Ночью щенок заскулил. Ему было холодно и неуютно на жёсткой подстилке. Он всегда начинал скулить, когда замерзал. И мать прижималась к нему животом. Не открывая глаз, он находил горячий сосок и сосал. В рот ему брызгали острые, сладкие струйки молока, и по всему телу разливалось тепло.

Так было всегда. Но сегодня, сколько щенок ни пищал, сколько ни ворочался, матери он не нашёл. И тут он всё вспомнил.

Вспомнил, как пришёл чужой человек, взял его на руки, долго ласкал, а потом положил за пазуху и унёс. На улице щенку стало страшно, и короткий хвостик его мелко-мелко задрожал.

Оттого, что щенок вспомнил всё это, он заскулил жалобней и протяжней.

Вдруг яркий свет резанул ему глаза. Он увидел

девочку, которая стояла над ним. «Что ей надо? — забеспокоился щенок. — Куда ещё меня понесут?» Но, прежде чем он так подумал, он уже прижался к её тонким голым ногам, таким же тёплым, как живот матери. Девочка сжала щенка ногами, и тот сразу примок. Потом она взяла его на руки, погасила свет и унесла к себе в комнату. Она положила его на что-то мягкое, и всё стихло. Скоро щенок услышал лёгкое посапывание, точно дуновение ветерка, в потёмках пополз на этот звук и добрался до лица девочки. Та обняла его, а он лизнул её в нос, уцепился за мочку уха и радостно зачмокал.

Через несколько минут девочка и щенок спали...

* * *

Прошли первые месяцы новой жизни. Щенок привык к своему новому дому и забыл старый. Он теперь знал, что в этой квартире, кроме него, живут двое. Один из них говорит громким голосом, и руки у него большие и сильные. Этот голос всегда нужно было слушаться. Другой, тоненький, высокий, принадлежал девочке. Его, наоборот, можно было совсем не слушаться, потому что девочка прощала всё. Скоро щенок запомнил, что девочку звали Таней, а человека с громким голосом — папой.

Когда Тани не было дома, а папа произносил её имя, щенок начинал визжать и поглядывать на дверь. Тогда папа показывал зубы и говорил какие-то слова.

Однажды папа подошёл к щенку. Тот перестал шалить, хотя это было ему трудно, и поднял голову. Из всего, что говорил папа, он смог выделить только одно слово: Сенька.

Он бросился бежать, но властный голос крикнул: «Сенька!» — и он вернулся. За это ему дали белый твёрдый, хрупающий на зубах сладкий камешек. «Вкусно!» — решил щенок и с тех пор всегда откликался, когда его звали Сенькой.

Сенька спал на половичке у Таниной кровати.

Утром, когда лаем, то и де-
тому что лая-
лась, а Сень-
утащит, то ле-
он не отдавал
умывалась и
вал и тряс го-
похлопывали,
Но вот Та-
Сначала скуч-
Он приносива-
ных игрушек,
комых, и укл-

Самое инт-
ни. Они прист-
ка — в кухне
и каждую ми-
и летит в сто-
ратно в кухню
тить лапой по-
Сенька насто-
полагалось. А
мог без конца

После обе-
гулку. Когда
растерялся. Д-
бегать за чел-
а тут вдруг н-
храбро попр-
наступали вт-
чательно стру-
Таню.

«Что это т-
— Вот чу-
Она погла-
ухом. Тот усп-
Понемногу

4 Разноцветная истор

Утром, когда Таня вставала, он грохал басовитым лаем, то и дело срываясь на униженный визг, потому что лаять по-настоящему не умел. Таня одевалась, а Сенька крутился возле и мешал. То ботинок утащит, то ленту. Таня вырывала у него свои вещи, а он не отдавал. Ему нравилась эта игра. Потом Таня умывалась и брызгала на Сеньку водой, а он отскакивал и тряс головой, отчего его большие чёрные уши похлопывали, точно бумажные хлопущки.

Но вот Таня уходила, и Сенька оставался один. Сначала скучал, но понемножку привык и к тишине. Он принюхивался ко всем углам, добирался до Таниных игрушек, обнюхивал их, как старых добрых знакомых, и укладывался тут же, рядом, поспать.

Самое интересное начиналось с возвращением Тани. Они приступали к обеду: Таня — в столовой, Сенька — в кухне. Но щенок был недисциплинированный и каждую минуту отрывался от обеда. Поест немного и летит в столовую. Посмотрит — Таня на месте, обратно в кухню. Если он не наедлся, то начинал колотить лапой по своей алюминиевой тарелке: ещё хочу! Сенька настойчиво требовал добавки. Но добавки не полагалось. Аппетит у щенка был отменный и есть он мог без конца.

После обеда Таня отправлялась со щенком на прогулку. Когда Сенька в первый раз попал на улицу, он растерялся. Дело в том, что у Сеньки была страсть бегать за человеческими ногами. Дома это было просто, а тут вдруг ноги пошли на него со всех сторон. Он храбро попробовал броситься за первыми, но на него наступали вторые, третьи, четвёртые, и Сенька окончательно струсил. Он присел, заскулил и уставился на Таню.

«Что это такое?» — спрашивал его взгляд.

— Вот чудак, — сказала Таня, — испугался улицы!

Она погладила Сенькину спину и почесала за ухом. Тот успокоился.

Понемногу Сенькино познание мира расширялось.

Он теперь знал, что людей на свете много и не все они одинаковые: у каждого свой запах. Это было немаловажное открытие!

* * *

Однажды Сеньку взял гулять сам папа. Сенька старался вести себя достойно, шёл на поводке смирный, не путался под ногами и не тянул вперёд. Зато папа волновался: он то и дело одёргивал Сеньку, хотя щенок не давал к этому повода.

Они остановились на углу улицы. Сенька затоптался, но потом ему надоело: сколько можно стоять на одном месте? И он слегка потянул поводок, скосив глаза на папу. Папа не обратил на это ровно никакого внимания, не видел скошенных Сенькиных глаз. Он смотрел совсем в другую сторону и улыбался. И тут же к ним подошла высокая женщина. Сеньке ударил в нос резкий запах, тот самый, который в последнее время папа часто приносил с улицы.

Папа разговаривал с женщиной и всё время теребил поводок. Сенька тьякнул, чтобы его зря не беспокоили, и принялся изучать женщину: обнюхал узкие носки её туфель и высокие, тоненькие каблуки.

Женщина нагнулась к Сеньке, что-то сказала ему, но не потрепала по спине, как это делали случайные Сенькины знакомые.

Медленно пошли по улице, потом снова долго стояли и наконец разошлись. Когда вернулись домой, Сенька ещё долгофыркал и встряхивал головой, чтобы отделаться от назойливого запаха духов той женщины.

И вдруг в их квартиру вторгся этот запах. Случилось всё так. Папа и Таня куда-то ушли в неурочное время. Сенька не любил, когда они уходили вместе, оставляя его одного, и с нетерпением ждал их возвращения. Но вот за парадной дверью послышались голоса. Сенька начал повизгивать: «Ну скорее, что вы так долго возитесь!»

Дверь открылась, пропустила Таню, папу... И тут Сенька увидел женщину. Он глухо заворчал и попятился, но никто не обратил на него внимания. В квартиру внесли вещи и сложили их в передней. Появилось столько новых запахов, что Сенька забыл о своём недружелюбии и носился среди всего этого, путался в ногах и смешил всех.

День был суматошный, и Сенька так набегался, что улёгся спать раньше Тани, чего с ним раньше не бывало. Утром проснулся, почесался, встал, прогнул спину. Потянул носом: здесь! Но это не вызвало у него ни страха, ни злобы — он уже привык к появлению нового человека.

Всё пошло по-старому. Когда на дворе темнело, в квартире зажигали свет, потом гасили и укладывались спать. Утром папа и Таня уходили, а Сенька вместе с женщиной провожали их до дверей.

Но постепенно Сенька почувствовал, что изменения всё же наступают. Он никогда теперь не оставался один и навсегда пропала та тишина, к которой Сенька так привык, когда папа и Таня уходили из дому.

Как-то он, по давней привычке, улёгся днём среди Таниных игрушек и был безжалостно изгнан оттуда новой хозяйкой.

В один из вечеров пропал его постельный половик. Он лежал обычно у Таниной кровати. Сенька быстро отыскал половичок в тёмном коридорном проходе за шкафом — это для него был пустяк, — ухватил зубами за край и принёс на старое место.

Женщина увидела, оттолкнула щенка ногой и отнесла половичок за шкаф.

Сенька растерялся и не знал, что делать. Попробовал улечься без половичка, но было жёстко.

Женщина сказала Тане:

— Отведи его, пусть привыкает. Ему не место в комнате.

Сенька догадался, что разговор идёт о нём, и оби-

женно заворчал. Но жалоба не помогла: Таня уложила Сеньку в тёмном проходе. Сенька ворочался, скулил, чихал от пыли и паутины, которая здесь оказалась, и ждал. Наконец в комнатах всё утихло. Тогда он взял половичок в зубы и неслышно отправился на своё законное место.

Утром Таня увидела Сеньку у своей кровати и рассмеялась.

А женщина, видно, крепко рассердилась, потому что, когда все ушли, она выгнала Сеньку в коридор и плотно прикрыла двери.

Сеньке, конечно, скучно было бродить по коридору. Он забрёл в ванную, от скуки вскочил на табуретку и разбил какой-то флакон. За это он изведal на своей шкуре силу хозяйкиных длинных пальцев. Они уцепились за его ухо и долго выкручивали и тянули, пока Сенька не запросил пощады.

Для Сеньки наступили тяжёлые времена. Он успокаивался, лишь ко-

гда женщина вместе с папой куда-нибудь уходила. Это теперь бывало часто. Но всё равно настоящего веселья не получалось, потому что Таня была печальная. Она напевала одну и ту же монотонную песенку, от которой Сеньку забирала такая тоска, что хотелось подвывать.

И вообще дома стало плохо. По утрам Сенька никогда не заскакивал в комнаты, больше лежал в своём тёмном углу. А папа что-то совсем потерял голос, перестал громко разговаривать и показывать зубы.

А потом разразился скандал. Сенька, изголодавшись, сцапал из-под носа женщины кусок говядины и ни за что не отдавал. Он влез под Танину кровать и рвал мясо зубами. Женщина пыталась достать его оттуда лыжной палкой, но Сенька только свирепо огрызался и продолжал своё дело. Женщина перешла к иной тактике. Она начала униженно выманивать Сеньку всякими ласковыми именами. Но и это не помогло. Тогда, распластавшись на полу, она потянулась рукой, и Сенька куснул её. Он очень испугался, потому что ещё никогда в жизни не слышал такого пронзительного крика.

До самого вечера Сенька просидел под кроватью. Пришла Таня, потом её отец, но в комнату никто не входил, и Сенька подвывал от скуки.

Наконец дверь открылась, и Сенька почувствовал запах тсй, которая откликалась на имя «Таня», которая ласкала его и кормила разными вкусными вещами.

Кровать ухнула над Сенькиной головой, и он услышал жалобное Танино похлупывание.

Сенька ждал, что Таня окликнет его, но, так и не дождавшись, сам выполз из укрытия. Он легко и незлышно вскочил на кровать, подполз к девочке на животе и лизнул её лицо. На язык ему попало что-то мокрое и горьковатое. В это время к двери Таниной комнаты подошла та, другая. Сенька выпрямился, глухо зарычал, и шерсть у него поднялась дыбом.

* * *

Утром женщина открыла дверь в подъезд, и Сенька убежал.

Сенька никогда ещё не был на улице один и от этого трусил. Он всё время пригибал голову и поджимал хвост. Шёл дождь, и Сенькина шерсть намокла и обвисла. Он забрёл в какой-то незнакомый двор и нашёл закуток в штабелях брёвен.

Тут его увидели двое мальчишек, потому что только мальчишки могли шататься в дождь по таким заваливающим местам.

— Смотри, щенок! — сказал один. — Дрожит. Холодно ему.

— Породистый, — ответил другой, — уши висячие.

Сенька понял, что его не обижают, и стал их обнюхивать.

— Я бы взял его к себе, — мечтательно сказал один и вздохнул.

— И я бы взял, — ответил другой и почесал затылок.

Мальчишки повернулись и пошли по домам. А Сенька за ними.

Потом они долго стояли в парадном и смотрели на дождь. Сенька сидел тут же и поскуливал.

— А он умный, уже привык к нам, — снова заметил один.

— Точно, — ответил другой. — Может, мать и не выгонит. Эх, если бы не выгнала!

Он решил попытать счастья, свистнул Сеньке, для храбрости запел песню и отправился домой.

* * *

Дожди кончились. Наступило тёплое время. И вот в один из таких хороших солнечных дней Сенька выскочил на улицу. Он теперь часто так делал, когда бывало скучно, гулял во дворе, выбегал на улицу. По-

стоит у ворот, посмотрит на проходящих людей, заго-
нит кошку на забор, а если увидит собаку, сразу лезет
драться. Его так мальчишки воспитывали. Сенька к
этому привык и к мальчишкам тоже привык.

Сенька выскочил на улицу и не остался у ворот,
как всегда, а побежал вперёд. Бежал, бежал, потом
почему-то свернул во двор, огляделся и узнал. Это был
тот самый старый двор, который Сенька никогда не
мог забыть.

Сенька бросился вверх по лестнице, прыгая через
две ступени, остановился у знакомой двери и стал ца-
рапаться, лаять и визжать, пока Таня не открыла
дверь. Тогда он уткнулся ей в колени, повизгивая от
радости, облизывая её худенькие руки, ощущая забы-
тое приятное почёсывание за ухом.

* * *

Сенька гулял на поводке с папой и Таней. Он не-
терпеливо дёргал поводок, когда слышал громкий го-
лос папы и Танин смех.

Вдруг Таня остановилась, посмотрела на бумаж-
ку, прикреплённую на столбе, и сказала:

— Папа, смотри, это наш Сенька.

Папа тоже остановился, и они стали рассматри-
вать белую бумажку с приклеенной Сенькиной фото-
графией. А под фотографией большими печатными
буквами было написано:

«Пропала собака, белая с чёрными пятнами, уши
висячие, глаза синие, откликается на имя «Бродяга».
Очень просим вернуть по адресу...»

Сенька услышал, что разговор идёт о нём, и начал
прыгать на столб. Прыгал, прыгал, до бумажки так и
не достал и потянул поводок.

А когда пришли домой, Таня взяла бумагу и ручку
и сочинила письмо: «Дорогие неизвестные мальчишки!
Эта собака не ваша, а моя. И зовут её совсем не Бро-
дяга, а Сенька. Сенька убежал из дому, потому что у

нас поселилась одна вредная женщина, а теперь мы снова живём с папой вдвоём. А Сенька к нам вернулся сам. И ещё большое спасибо, что вы приютили Сеньку. Если вы о нём скучаете, то можете в любой день прийти к нему в гости. Наш телефон: 3-18-67. Мы живём совсем близко от вас.

С пионерским приветом Таня».

Вот и вся Сенькина история.

лые, точно каждому из них на голову вылили по горшку сметаны.

— Ваня, — сказала она сыну, — иди напой Бурёнку. А то жарко, пить ей хочется.

Мальчик ушёл.

— Познакомились?

— Познакомились. От рыбалки отказывается. Лес, говорит, любит.

— Это у него по наследству, от отца. Того из лесу не вытянешь.

И правда, за неделю, что я прожил в избе лесника, я почти не видел Ивана Семёновича.

В лесу какая работа? Можно ничего не делать, и не скоро это заметишь. Есть ещё такие лесники. Смотришь, для себя травку покосит, дрова на зиму подсоберёт, а потом отдыхает.

А Иван Семёнович работал на совесть. То он дерево с гнилью найдёт и вырубит, то проверит, чтобы колхозное стадо не портило кустарник, а козы — не объедали молодых побегов. И за охотниками надо следить, чтобы кто-нибудь не задумал браконьерства.

* * *

Скоро появился у лесника ещё один жилец — студент-художник. Из Москвы приехал. Тонкий такой, высокий юноша, одетый в синие парусиновые брюки с молниями на карманах и цветную ковбойку. У него было маленькое красивое лицо и волосы впереди стояли ёжиком.

— Хозяюшка, — попросил он, — приютите недельки на две.

Марья Лавровна посмотрела на молодого человека и ответила:

— С большой охотой бы, да некуда. — И кивнула на меня.

— Значит, опередили. — Он улыбнулся и снова стал просить: — Леса у вас хорошие, уходить не хочется.

— А чем будете заниматься? — раздался неожиданно мужской голос.

Все оглянулись. Перед нами стоял Иван Семёнович в выгоревшем армейском костюме и фуражке, сдвинутой глубоко на лоб. Он был удивительно лёгкий на ноги, и никто не слышал, как он подошёл. По лесу Иван Семёнович не ходил, а, можно сказать, плыл, точно его тяжёлые, крепкие ноги не касались земли.

— Испугал! — сказала Марья Лавровна. — Ходишь неслышно.

— Меня за это хождение всю войну ■ разведке продержали, а ты жалуешься. — Потом он снова обратился к молодому человеку: — Вроде не рыбак?

— Нет. Я студент-художник. Буду рисовать.

— Художник? Это красиво.

Тогда Марья Лавровна сказала:

— Ну ладно, оставайтесь. Спать будете на сеновале, а питаться вместе с нами, в горнице.

— Хорошо, — обрадовался студент. Он протянул Марье Лавровне руку и сказал: — Всеволод.

Потом подошёл ко мне, посмотрел на мои сложные рыбачьи приспособления и опять же протянул руку:

— Рыбак? А я так лесовик.

— Если лесовик, — ответил я, — значит, у вас и товарищ найдётся. Вот он, Ваня.

Студент поздоровался с Ваней. Потом увидел Максима, присел на корточки и вдруг закукарекал.

Максим рассмеялся. Марья Лавровна улыбнулась, а Ваня, тот уже считал студента своим лучшим другом.

* * *

На другой день раньше всех из дому ушли Иван Семёнович и Всеволод.

Всеволод — в лес, а Иван Семёнович уехал в город. В лесу появилась гусеница, и он поехал договариваться, чтобы прислали самолёт.

— Папка поехал за воздушным доктором, — сказал мне Максим. — Он как прилетит, как зажужжит,

а потом начнёт бросать на лес белый порошок, и гусеницы сразу все пропадут.

Всеволод вернулся к завтраку. Он пришёл весёлый, в волосах у него были сосновые иглы.

— Сейчас, — сказал он, — будет вручён подарок. Максим, встань передо мной, как лист перед травой.

— Я стою, — ответил Максим, и видно было, что он даже пошевелинуться боится.

Всеволод полез в карман, и тут же в руках Максима появился дед, старый, горбатый, с клюкой. Он был сработан из какой-то коряги, которая, может быть, валялась в лесу уже несколько лет. Время, солнце, дожди изогнули корягу и сделали её отдалённо похожей на старого, крючковатого деда. А Всеволод это заметил: обрубил корягу, сделал деду глаза из зелёных сосновых шишек, и стал дед как живой.

Максим крепко прижал деда к груди и убежал.

— Здорово у вас игрушка эта получилась! — удивился Ваня.

— Это пустяк, — ответил Всеволод, — пойдём со мной в лес, я тебя научу. Здесь главное — острый глаз иметь, ко всякому дереву приглядеться, и фантазию. — Последние слова он проглотил, потому что Марья Лавровна налила ему в кружку молока и он отправил в рот большой кусок домашнего пирога с рыбой. — Вкусно! — пробурчал Всеволод. — Очень вкусно.

* * *

С этого дня Ваня ни на шаг не отходил от студента. Он носил ему краски и складной парусиновый стульчик. Бегал за водой к роднику, если Всеволоду хотелось пить. Ваня даже дружков своих забросил и не ходил к ним в деревню.

Всеволод рисовал, а больше вырезал из дерева всякие фигурки. У него уже был чудесный ветвисторогий олень, пятнистый желтокожий леопард и цапля, длинная, с тонкой шеей, на одной ноге.

Эти игрушки Всеволод очень берёг. Однажды

Максим, который вертелся около него, уронил оленя и сломал один рог.

— Разбился, — испугался Максим. Он нагнулся, чтобы поднять оленя, но Всеволод выхватил оленя у него из-под рук.

— Болван, — сказал он и толкнул мальчика.

Иван Семёнович в это время сидел в стороне и правил косу. Он ничего не сказал Всеволоду, а только сердито крикнул:

— Максим, иди к папке! Нечего около чужих око-
лачиваться!

Максим заплакал. А Всеволод рассмотрел оленя и обрадованно сказал:

— Это пустяк. Поставлю штырь и скреплю рог.
На Максима он даже не взглянул.

* * *

Всеволод нашёл кусок дерева и сделал из него голову женщины, с высокой причёской и длинным разрезом глаз. Всем нам эта женская голова понравилась, и мы ждали, когда же Всеволод подберёт к ней туловище. Но он, сколько ни искал, найти не мог. Мы даже стали помогать ему. Если нам попадался на глаза какой-нибудь изъеденный муравьями корень или пень, мы тут же тащили Всеволоду. Иван Семёнович и тот каждый день приносил из лесу суки странно изогнутой формы, обрубки деревьев с наростами.

Но Всеволод только мельком оглядывал «наши богатства» и отворачивался.

«Даже спасибо не скажет. Мы стараемся, а он плюёт на нас, — подумал я. — Нахальный всё же парень». И мне стало обидно за себя и за семью лесника.

Утром на следующий день я встал и сразу почему-то вспомнил про Всеволода. «Приду с рыбалки и поругаюсь с ним, скажу ему, что о нём думаю», — решил я, собрал удочки и пошёл на рыбалку.

Рыба сразу взялась, и моё плохое настроение улетучилось. Вернулся я домой только после обеда.

Подхожу к избе лесника, вижу — за столом во дворе сидит Всеволод и работает. Повернулся ко мне — лицо довольное, радостное.

Я хотел пройти мимо, но он мне протянул фигурку, и я остановился.

Стройная маленькая женщина, одетая в длинный халат, подпоясанная синей широкой лентой, готовилась к танцу. Она не сделала ещё ни одного движения, только подняла руки над головой, но казалось, что вот-вот ударит бубен и она начнёт ритмичный восточный танец.

— Ну? — спросил Всеволод.

Он хотел услышать от меня какие-то хорошие слова и нетерпеливо ждал. Ему обязательно хотелось, чтобы его кто-нибудь похвалил, и он даже заглядывал мне в глаза.

Я сказал ему, что мне нравится его работа. Видно, он остался недоволен мною, потому что отвернулся.

И тут во двор вошли два Ивана — большой и маленький. Всеволод помахал им и протянул фигурку женщины. А Иван Семёнович подошёл к нему вплотную и тихо сказал:

— Ты мне это в нос не тычь! Чтоб сегодня твоего духу в нашем лесу не было!

— Что с вами? — удивился Всеволод. — Объясните.

— Объяснить? Как дерево рубить, так объяснение ему не требовалось.

— Ах, вот вы о чём! — Всеволод улыбнулся. — Подумаешь, какой пустяк, срубил один сук. Он ведь был мне нужен. Ну, простите меня. — И повернулся к Ивану Семёновичу спиной.

Иван Семёнович схватил Всеволода за плечи.

— Пустяк, говоришь? Дерево — пустяк? — Иван Семёнович смотрел в упор на Всеволода. — Ты сам пустяк! Уходи от нас! Пять минут даю тебе на сбор.

— Ну хорошо, хорошо, я уйду, только уберите ваши руки. Драться я не собираюсь.

Иван Семёнович пошёл к дому, а Всеволод крикнул ему вдогонку:

— Уже поздно. Не дойти мне засветло до деревни!

— Добежишь, — ответил Иван Семёнович.

Тогда Всеволод посмотрел на Ваню, и в его глазах мелькнула надежда.

— Ваня, уговори отца. Выручи друга. Ну куда я пойду на ночь глядя?

Ваня отвернулся и пошёл к дому. И я следом за ним. Мне не хотелось оставаться с Всеволодом.

Ровно через пять минут Всеволод уходил. Он был такой же, как в первый день, когда появился здесь, — весёлый, красивый и какой-то лёгкий. И не было ему никакого дела до лесника и до его семьи.

Я высунулся в окно. Когда он проходил мимо, то помахал мне рукой и сказал:

— Привет рыбакам! В этом доме художника не поняли.

Ко мне подошёл Иван Семёнович. Он курил папирску, а когда брал её в руки, то видно было, что пальцы у него слегка дрожат.

— Художник, — сказал он, — а жизнь рубит. Красоты настоящей не понимает. — Он бросил папирску на землю, притушил её носком сапога и посмотрел узкими, прищуренными глазами в ту сторону, куда ушёл Всеволод. — Ты, может, подумал, что я испугался, что он срубил сук у дерева?

Я кивнул.

— Нет, — ответил Иван Семёнович. — Дерево не погибнет, оно живучее. Здесь вопрос глубже. Он всё для себя и для себя, а о других никогда не подумает. С таким человеком в разведку не пойдёшь. Как кукушка перелётная.

— Отец, — крикнул Ваня, — смотри, летит!

А самолёт уже разворачивался над лесом, и тоненькая ниточка дыма оставалась позади него.

— Папка, папка! — закричал Максим. — У самолёта белый хвост. Жар-птица. Самолёт жар-птица! Скоро самолёт скрылся. Остался только белёсый туман, который медленно оседал на лес.

— Дождя бы не было, — спокойно сказал Иван Семёнович, — а то лекарство смочет.

КЛИНОК КРАСНОГО КОМАНДИРА

Николай Фёдорович работал в своём саду — белил стволы яблонь. Он уже шестой день был в отпуску и всё выискивал себе разные заботы, чтобы заглушить обиду на дочь. Ещё весной Николай Фёдорович списался с Машей, что та приедет к нему с сыном Серёжей, — он не видел их целых пять лет. Со дня на день ждал гостей, и вдруг пришла телеграмма, что они задерживаются.

«На смех отца выставила! — думал Николай Фёдорович. — Всем соседям разболтал, а Машенька, вместо того чтобы поехать к отцу и внука привезти, возможно, укатит в какие-нибудь южные края».

Ему не работалось, но он упрямо водил кистью по шершавым, в бороздах стволам деревьев, пока вдруг не прогудела сирена автомашины. И сейчас же ей в ответ прокричал горластый соседский петух.

«Кого там нелёгкая принесла?» — подумал Николай Фёдорович. Он бросил кисть, снял передник и заспешил на улицу.

В кузове грузовой машины стояли двое: мужчина, одетый по-городскому, и мальчишка лет десяти.

— Николай Фёдорович Панов здесь живёт?

— Я и есть Панов, — ответил Николай Фёдорович.

— Фу! — шумно вздохнул мужчина. — Значит, всё-таки удалось доставить в полном порядке. Принимайте внука. — И он с неожиданной лёгкостью подхватил мальчишку и опустил его на землю. Потом таким же манером выставил небольшой чёрный лакированный чемоданчик. — Всё. Счастливо оставаться. — Мужчина цокнул костяшками пальцев по шофёрской кабине, и не успел Николай Фёдорович даже спасибо сказать, как машина укатила.

Дед внимательно посмотрел на внука, ещё не веря, что всё то, о чём он мечтал, произошло так просто. И что вот этот самый белобрысый худой мальчишка и есть его внук Серёжа. Но мальчишка стоял перед ним и держал в руке чемоданчик. Тот самый чемоданчик, который он подарил Машеньке, когда она поступала в медицинский институт.

— Ну, здравствуй, Серёжа. Как это мама тебя одного отпустила? — проговорил наконец Николай Фёдорович.

— Где же одного? Если бы одного! От самого дома с провожатым. — И Серёжа кивнул в ту сторону, куда уехала машина. — Наш сосед. В командировку приехал. Будет у вас элеватор строить.

Николаю Фёдоровичу хотелось приласкать внука, но почему-то постеснялся и только, когда входили в дом, на ходу прижал его к себе и потрепал за волосы.

Скоро с базара пришла Наталья Семёновна. Когда она увидела Серёжу, ей даже плохо стало от радости. Она расцеловала его, при этом ощупала и нашла, что он худой до ужаса. Потом повела умываться и тут же усадила за стол.

Серёжа ел варенец с хрустящей ярко-коричневой пенкой, а Наталья Семёновна сидела напротив и говорила:

— Вылитая Машенька! Правда, мальчик очень похож на Машеньку? — обращалась она к Николаю Фёдоровичу. — Нет, ты посмотри глаза, это же её глаза!

Она засыпала его вопросами: что они едят дома, как выглядит Машенька, и ещё многими другими, на которые Серёжа при всём своём желании не знал, как отвечать.

Тогда к нему на помощь приходил Николай Фёдорович. Он ничего такого не говорил, а повторял одни и те же слова:

— Ты, Серёжа, ешь. Наваливайся, ешь. — И всё расхаживал по комнате и занимался какими-то ненужными делами: то откроет окно, то закроет, то почему-то включит электрический свет, хотя на улице было светло.

Потом Серёжа ходил по комнатам и оглядывал всё серыми цепкими глазами. Только одна вещь привлекала его внимание — старый клинок, который висел над кроватью Николая Фёдоровича.

Угомонились в этот день поздно. Но Николай Фёдорович уснуть не мог. Давно засопел Серёжа, заснула тревожным старушечьим сном Наталья Семёновна, а Николай Фёдорович всё смотрел в темноту открытыми глазами.

«Он, наверное, ни разу не был в настоящем лесу, — размышлял Николай Фёдорович про Серёжу. — Жил только на пригородных дачах. Это же смех! Надо его приучить к лесной работе».

...Шли дни. Николай Фёдорович подолгу копался в небольшом садике при доме, стараясь, правда без всякого пока успеха, приучить к этому делу и внука. Мальчик уже совсем освоился здесь и не отличался ничем от местных ребят.

Серёжка знал удачливые места для рыбалки, умел

нырять до самого дна и ловко управлять лодкой-плоскодонкой. Уступал он только маленькому чернявому парнишке со смешным именем Дормидонт.

Дормидонт был отчаянная голова, человек вредный и коварный. Как-то, обогнав Серёжку в лодочном состязании, сказал ему небрежно:

— Весло у тебя не то...

— А какое же надо?

— Полегче, чтобы руку не оттягивало. Из молодого деревца...

После этого Серёжка подрубил у деда в саду молодое грушевое дерево.

«Всё равно не привилось, — подумал Серёжка. — На всех деревьях скоро будут яблоки и груши, а это стоит без единого листика. Наверное, плохое».

Николай Фёдорович чуть было не отодрал Серёжку за уши, когда увидел, что он сделал. Но сдержался, резко толкнул его и ушёл в дом.

— Кто же это из сырого дерева весло скоблит? — распекала его Наталья Семёновна. — Оно же в три раза тяжелее. И деда, дурачок, обидел, и дерево погубил. Догадки в тебе — как в петушином хвосте.

И Серёжка сильно расстроился. Он горевал не о срубленном дереве и не о том, что обидел стариков, — он не мог простить коварства Дормидонта.

«Теперь уж, видно, все ребята смеются». Серёжка стал думать, чем бы удивить ребят, чтобы у них пропала всякая охота смеяться над ним. А не появиться ли перед ними с дедовым клинком? Пожалуй, сам Дормидонт позавидует ему.

Серёжка тут же решил осуществить свой план. Он выбрал момент, когда бабка вышла из дому, и прокрался в комнату Николая Фёдоровича. Прямо в ботинках он прыгнул на кровать, снял клинок со стены и радостно почувствовал его солидный вес в руке.

— Не трожь, — слышался голос в дверях. — Повесь на место!

Серёжка обернулся. Перед ним стоял дед и смотрел на него посветлевшими, острыми глазами. Серёжка ошетинился, но клинок повесил.

— Подумаешь, даже потрогать нельзя!

Николай Фёдорович подошёл к постели и поправил сбившееся одеяло.

— Этот клинок не про таких, как ты. А ну, прыжок с кровати. Бабка моет-стирает, а ты грязными ботинками! А ещё клинок захотел.

Серёжка ошарашенный выскочил на улицу и долго бродил по переулкам. А когда совсем стемнело, пришёл к выводу, что надо ему бежать от деда. Вспомнит и пожалеет, да поздно будет.

Бежать решил поутру, чтобы как раз к поезду. И только после этого он наконец откликнулся на неоднократный зов бабки.

Утром Серёжка сбежал. Сложил свой чемоданчик и сбежал.

Станционная кассирша посмотрела на Серёжку круглыми глазами и позвонила куда надо по телефону. После этого Серёжку задержали, как подозрительную личность, и отвели в железнодорожное отделение милиции. Там старый милиционер сел писать протокол, но без привычки делал это с большим трудом. Он часто отрывался, с горькой обидой рассматривал руки в чернильных пятнах и говорил:

— Протокольный документ пришлось составлять. Беглец, чёрт возьми! Сколько беспокойства людям причинил. Уши драть надо таким беглецам!

На станцию за Серёжкой пришёл сам дед. В комнате дежурного милиционера он расписался в какой-то бумажке, кивнул Серёжке и сказал:

— Домой пора, бабка ждёт.

Всю дорогу Серёжка молчал. Молчал и дед. Он думал о своей жизни, и она напоминала ему бушующее море. А для Серёжки он хотел жизни спокойной. Но сегодня понял, что и его жизнь будет бушующим морем. Ну и пусть, лишь бы бушевала по делу. А пока

зот надо переломить его характер, на правильную дорогу вывести.

Они возвращались полем, широкой просёлочной дорогой, мимо ещё неспелой ржи. Дед шёл впереди, а Серёжка пылил сзади. В одной руке у него были сандалии, в другой — чемоданчик. Он раздумывал, как бы снова улизнуть.

— Убежать хотел? — сказал дед. — А бегать-то надо с толком. Я вот тоже из дому бегал.

Дорога была пыльная, скучная, и Серёжка не прочь был поговорить.

— А это давно было? — спросил он.

— Давно. В гражданскую ещё. Я тогда малец был, немного постарше тебя. Отец на царской войне погиб, мать батрачила у деревенского богатея, рыжего Дениса Гордеева.

Мать — тебе она, значит, прабабка, — работа и горе крепко её измучили, а всё же красивая была. Косу как распустит, так до самых колен. Приглянулась она Гордееву, и решил он жениться на ней.

Каждое утро приходил, оглядывал нашу худую избёнку и спрашивал:

«Решилась? Всё равно твой не воротится».

А мать ему отвечала:

«Нет, не решилась».

Скоро мать заболела от тяжёлой работы и от голода. Гордеев прогнал её. Я тогда всё бегал к нему, просил хлеба.

«Мамка от голода пухнет, — говорил я. — Дай хлеба».

Но он каждый раз выгонял меня.

А когда мать умерла, поджёг я амбары у Гордеева и убежал из деревни...

Николай Фёдорович замолчал, будто потерял всякий интерес к рассказу.

Дорога зашла в небольшой перелесок. Там было прохладно и пахло свежей травой, сыростью и берёзовым соком.

— Хороши! — Дед гладил шершавую кору деревьев. — Сам сажал. Им теперь стоять сто, а может, и все двести лет.

Серёжка стал смотреть на деревья. Смотрел и старался представить, какие они будут через двести лет. Потом он спросил:

— Ну, а дальше что-нибудь было?

— Дальше многое было. Пришёл я к красным в небольшой городишко Петровск. Вижу — дом с красным флагом, решил — штаб, значит. Я прямо туда. А часовой дорогу перегородил мне, не пускает.

Но я стоял, потому что некуда мне было уходить.

«Ну, чего стоишь, ровно столб какой! — закричал он. — Разум имеешь, а того не понимаешь, что в штаб не положено пускать посторонних».

Тут как раз всадник подъехал. На всём скаку вздыбил коня у крыльца и соскочил на землю. Высокий такой и могучий, поперёк лица шрам, и чёрная повязка на глазу. Сверкнул он на меня одним глазом и спросил:

«Ты кто такой и куда идёшь?»

«Из деревни я, дядечка, в штаб мне надо, в Красную Армию записаться».

«В кавалеристы желаешь или в пехоту?»

«Нет, мне бы лучше в пулемётчики».

«У-у, — протянул всадник. — Ты, видать, парень серьёзный. Пропусти-ка его в штаб».

«Раз в пулемётчики, то отказу, конечно, дать нельзя», — подмигнул мне часовой и пропустил.

Николай Фёдорович свернул с утрамбованной тропинки и присел на траву. Серёжка опустился рядом. Дед молчал, и было видно, что он думал о прошлом. Он вспомнил всё с такой ясностью, словно случилось это только вчера...

— В небольшой штабной комнате стояли стол и две табуретки. На одну сел я, на другую опустился всадник.

«Ну, хлопчик, — строго сказал он, — выкладывай

всё как есть. Откудова путь держишь, где мамка и батька проживают. Только без утайки».

И я сказал ему, что батьку на фронте убили, а мамка умерла. Про Гордеева я не стал говорить — боялся, что меня за это отправят в тюрьму.

«Значит, сиротка ты. И я сироткой рос. Тяжёлое, я тебе скажу, это дело. — Всадник даже головой покрутил. — Ну ладно, слезами горю помощи мало. Надо ворочаться тебе домой».

«Никуда я не пойду», — ответил я.

«Это почему же не пойдёшь? Ты дурака не валяй. Живи себе поживай в своей деревне, а после войны мы сирот обеспечим. Это перво-наперво. Истина!»

Вижу, плохо моё дело, и, как только всадник отвернулся, шмыгнул в дверь. Но он догнал меня, приподнял одной рукой и тряхнул.

«Ты не таё, парень, не шали!»

«Не пойду я в деревню, не пойду! — закричал я. — Меня «рыжий» убьёт».

«Это какой ещё «рыжий»?»

И я выложил всю историю до конца. Всадник не ругал меня, не хвалил, но оставил при себе. Я попал в красную кавалерию, и был зачислен бойцом эскадрона разведчиков, которым командовал Степан Кожухов, а для меня просто дядя Степан.

Наш полк стоял на отдыхе после тяжёлых боёв. Жизнь в полку показалась мне лёгкой. Был я сыт и, может, впервые в жизни обут. Кругом были люди, которые своими мозолистыми, натруженными руками и простыми лицами напоминали мне мужиков из нашей деревни.

Дядя Степан и все конноармейцы рвались на фронт. Я тоже мечтал, чтобы нас побыстрее отправили воевать с беляками. Но вот однажды дядя Степан позвал меня:

«Николашка, ступай сюда. Будет тебе целый день на локотках сидеть. Учить тебя задумал. Самому не

привелось, а тебя выучу. Дюже нам грамотеи после войны будут нужны. И учителя нашёл, — он многозначительно поднял палец, — в гимназиях и семинариях обучался. Большая голова. Истина».

Я тут же забыл об учителе. А на другой день подходит ко мне дядя Степан, такой строгий, каким я его никогда не видел.

«Иди, тебя дожидается учитель».

Учитель был старенький, худенький и весь какой-то торопливый. Форменный китель висел на нём, точно с чужого плеча. Он посмотрел на меня внимательно и проговорил:

«Ну-с, молодой человек, не будем терять времени. — Говорил он очень смешно: скажет первое слово, потом повторит его несколько раз, а уж потом говорит дальше. — Начнём... начнём... начнём с азбуки. Да, да, да!»

В школе я никогда не учился, поэтому мне было всё равно, с чего начинать.

Учитель старательно рассказывал мне про алфавит, но так как главным моим занятием было ничего не слушать, то в этом я достиг бóльших успехов, чем в изучении азбуки.

«Вы недисциплинированный, неприлежный мальчишка!» — возмутился учитель.

Он был человек справедливый и очень гордился своей профессией. Но тогда я этого не понимал и жестоко обидел старого учителя.

«Мне ваша азбука, господин учитель, — сказал я, — вовсе ни к чему. Мы и без неё всех буржуев перебьём».

А как раз в это время в комнату, где мы занимались, вошёл дядя Степан. Он всё слышал, потому что подошёл ко мне и сказал:

«Ух ты, пустомеля, перебей тебя пополам!» — и махнул от досады рукой.

Потом случилось сразу два несчастья: беляки перешли в наступление и наш полк срочно должен был

оставить Петровск, и второе — с дядей Степаном: малярия его схватила. Да так пристала, трясучка проклятая, что он даже голову от подушки оторвать не мог.

Решили тогда спрятать дядю Степана в городе у старого учителя Ивана Ивановича Борисова, того самого, который меня к грамоте приобщал. И меня оставили при нём и приказали беречь крепко-на-крепко.

Иван Иванович родился в этом городке. Он жил в маленьком домике, на окраине, в полном одиночестве и учительствовал в церковно-приходской школе.

Разместились мы в чулане.

Каждый день Иван Иванович уходил в город за продуктами и новостями. Мы узнали, что бандиты атамана Горового повсюду искали красных. В гражданскую войну красные часто, когда отступали, раненых прятали у местного населения. Вот их-то и искали беляки.

Дядя Степан, как чуть пошёл на поправку, всё порывался уйти, а Иван Иванович и слушать об этом не хотел...

Вечером он приходил к нам в чулан с книгой, садился на табуретку в углу, поближе к свече, и начинал читать.

Много удивительных историй узнали мы с дядей Степаном от учителя. И дядя Степан как-то сказал мне:

«Большущая сила в грамоте. А ты, Николка, оказался несостоятельным в этом деле».

Острое пламя свечи раскачивалось, по шершавой стене чулана ползли какие-то тени, и такие же, пока неясные, мысли бродили в моей голове. Я подумал робко, впервые, что дядя Степан прав, что в грамоте действительно большая сила.

Но, видно, не судьба была дожить нам у учителя спокойно. Как-то утром дядя Степан говорит мне:

«Выдь-ка на улицу, глянь, как да что. Уходить са-

мое время. А то и себя загубим и Ивана Ивановича подведём».

Вышел я, осмотрелся. Недалеко от нашего дома висит бумажка. Около неё стоят несколько человек, читают. Один что-то бормочет. Я подошёл и прислушался. «Кто спымает большевика, тому награда будет и вечное прощение грехов от самого господа бога и нашего славного атамана полковника Горового».

«Нашли дураков!» — подумал я. А когда все ушли, не задумываясь, сорвал со стены приказ их атамана и скомкал в кулаке. Не успел я после этого и шагу шагнуть, как чья-то рука тяжело легла мне на плечо. Я посмотрел на человека, который меня держал. Это был рыжий Гордеев. Он ничуть не изменился, только переоделся в военную форму. Хромовые са-

поги, галифе с лампасами, на плечах гимнастёрки — унтерские погоны. И лихо сбитая набекрень маленькая казацкая фуражка. Было ясно, что он служит у белых.

У меня в груди глухо стукнуло и ноги словно приросли к месту.

«Ну что ж, здоров, земляк! Видно, не больно ты рад встрече, раз отворачиваешься», — нарушил молчание Гордеев.

Рванулся я изо всех сил, так что суставы в плече хрустнули, шмыгнул в первую подворотню — и бежать со всех ног.

Дома, ещё не отдышавшись после стремительного бега, я всё рассказал дяде Степану.

«Теперь может выследить, мерзавец, перебей его пополам! — сказал дядя Степан. — Давай-ка собираться, Николашка».

Мы быстро оделись и, как повечерело, ушли, не дождавсь Ивана Ивановича.

Только вышли из дому, слышим — сзади нас зацкали лошади. Мы прижались к забору. Мимо проехали три всадника — казацкий патруль. Двое уехали вперёд, а один остановился, соскочил на землю и стал подтягивать ослабевшую подпругу у лошади. Совсем рядом с нами. Слышно было даже, как позвякивала уздечка на лошадиных зубах.

«Эй, далече не уезжайте, я тотчас! — крикнул казак и уже тише, себе под нос: — Вот темень проклятушая! Ничего не видать».

Я чуть не вскрикнул, потому что узнал голос Гордеева, но дядя Степан вовремя прикрыл мне рот ладонью.

Уехал казацкий патруль, и мы пошли дальше. Хотелось пуститься бежать, чтобы побыстрее добраться до лесу, который начинался за последним городским домом. Идём молча. Вот наконец и последний дом. Теперь оставалось нам всего ничего — пробежать полем

с полсотни шагов. Но только мы вступили на эту поляну, как громадная луна выкатилась из-за тучи, и в тот же момент чей-то зычный, зловещий голос рубанул воздух:

«Стой!»

Упали мы с дядей Степаном и притаились. Авось пронесёт. Но только нет, не пронесло, потому что в лунном зеленоватом свете показались три всадника. Они спешили, но вперёд не шли — боялись.

«А ну, вылазь, — раздался снова тот же голос, — всё равно не уйдёшь».

Дядя Степан молчал. Наступила тревожная тишина. Потом те, видно, о чём-то пошушукались и стали расходиться в разные стороны.

«У, перебей их пополам, от леса хотят отрезать! — Дядя Степан заскрипел зубами. — Эх, какая напасть! — Он в ожесточении тёрся подбородком о ворот шинели. — Николашка, Николашка, не довелось нам с тобой дожить до победы! Ну хорошо, мы сейчас в один момент организуем им окружение!»

Дядя Степан осторожно вытащил из кармана шинели гранату-лимонку. Потом он повернулся ко мне и проговорил надтреснутым голосом:

«Ты, Николашка, лежи, не подымайсь, слышишь? Не подымайсь, я тебе сказал».

И он встал, будто шёл так себе, а не на встречу со смертельным врагом. Он шёл с поднятыми кверху руками, без шапки. Полы его шинели разметал ветер, и они были похожи на крылья большой птицы. И мне захотелось, чтоб на самом деле это были крылья и чтоб дядя Степан вдруг оттолкнулся от земли и улетел.

«Живьём брать, живьём, не стрелять!» — истошным голосом кричал один из беляков, и я узнал в нём «рыжего».

«Так вот чьё это дело». И такая злоба вспыхнула у меня в груди, что весь страх как рукой сняло.

Я вскочил и бросился за дядей Степаном, не зная

даже, зачем. Точно удары кнута, подстёгивали меня слова «рыжего»:

«Держи его, крепче держи!»

И вдруг яркое пламя ударило мне в глаза, и раздался оглушительный взрыв, как будто загремели сразу сто барабанов. А потом стало тихо-тихо. Я упал на землю и закричал:

«Дядя Степан, дядя Степан!..»

Но сколько я ни ждал, никто не нарушил этой страшной ночной тишины.

Утром я пришёл к Ивану Ивановичу. Старый учитель отвёл меня в чужой дом, где мы прятались с ним до возвращения нашего кавалерийского полка. После, когда красные вернулись, Иван Иванович надел свой выходной костюм, и мы пошли в штаб.

Командир полка выслушал мой рассказ, но в ответ ничего не сказал. Его смуглое лицо жалобно скривилось, он вышел во двор штаба и долго топтался под окном. Видно, никак не мог свыкнуться с гибелью дяди Степана. Потом снова пришёл в комнату, где мы сидели, и принёс клинок дяди Степана.

«На, Николашка, носи, потому что ты был нашему Степану вроде сына». — Он похлопал меня по плечу.

Я, конечно, остался в полку. И старый учитель не захотел возвращаться домой. Его, по нашей общей просьбе, зачислили штабным писарем.

На всех фронтовых привалах Иван Иванович всё учил меня: хотелось ему, чтобы мечта дяди Степана исполнилась и стал я большим грамотеем. До самого последнего дня гражданской войны мы так вместе и воевали...

* * *

Николай Фёдорович отвернулся от Серёжки и отрывисто, зло закашлял.

— А ты говоришь — отдай тебе клинок. Вот так-то.

Дед лёг на бок, спиной к Серёжке, несколько раз

тяжело вздохнул. Потом зябко потянулся, передразнил чёрно-жёлтую иволгу, которая покрикивала на соседнем дереве, и сказал:

— Бабка, верно, заждалась дома. Пошли, что ли, перебей тебя пополам.

— Пошли, — ответил Серёжка. А про себя подумал: «А Дормидонта я всё равно обойду на плоскодонке».

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Железников Владимир Карпович

РАЗНОЦВЕТНАЯ ИСТОРИЯ

Рассказы

Ответственный редактор С. Е. Миримский
Художественный редактор М. Д. Суховцева
Технический редактор Т. В. Перцева

Корректора
Л. И. Гусева и В. К. Мирингоф

Сдано в набор 2/XII 1959 г. Подписано к печати
27/I 1960 г. Формат 60×92¹/₁₆ — 7 печ. л. (5,06 уч.-
изд. л.). Тираж 115 000 экз. Цена 2 р. 75к.
Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва,
Сушецкий вал, 49. Заказ № 2852.

4966

БИБЛИОТЕКА
402 средней школы

АСТА

й
а

и

3

Цена 2 р. 75 к.

1609

6000

